

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(НОФМО)

ПРОЕКТ
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЮРКСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

СЕРИЯ
ЧУВАШСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫП. IV

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА В ЧУВАШСКОМ ЛИ- ТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

*составление и вступительная
статья Кярчан Максӓмӓ*

Воронеж
НОФМО
2007

УДК 82.1
ББК 83.3(2)
Ф 79

Редакционная коллегия:

*асп. А.А. Баутин, асп. Е.В. Войнов, асп. И.Б. Горшенева,
преп., к.и.н. М.В. Курчанов, преп., к.и.н. И.Ф. Форт*

Источник:

*Васильев Н. Краткий очерк истории чувашской литературы. –
М.: Центральное издательство народов СССР, 1930. – 82 с.*

Формирование советского дискурса в чувашском литературоведении / сост. и
вступительная статья Кярчан Максәмь. – Воронеж: НОФМО, 2007. – 74 с.

© Авторы, 2007
© Кярчан Максәмь, составление, 2007
© Кярчан Максәмь, вступительная статья, 2007
© НОФМО, 2007

Кӓрчан Макӓмӓ
ФОРМИРУЯ СОВЕТСКИЙ КАНОН В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

(*Н. Васильев-Шубоссини и его «Краткий очерк истории чувашской литературы» в контексте интеллектуальной истории*)

Канадский историк украинского происхождения Мырослав Шкандрий в своем исследовании, посвященном истории украинской литературы в контексте украино-российских взаимных представлений¹, высказал предположение, что между двумя мировыми войнами, точнее – в 1920-е годы, советская власть упустила контроль над идейным, идеологическим, интеллектуальным и литературным дискурсом в национальных регионах. Именно поэтому, конец 1920-х – 1930-е годы в истории СССР стали временем нового подчинения, точнее – формирования особого советского интеллектуального дискурса.

В различных национальных регионах Советского Союза этот процесс протекал по-разному, но он имел и несколько общих особенностей: формирование советского дискурса, советского типа написания истории литературного прошлого сопровождалось острой полемикой между местными интеллектуалами и советским центром, проявления которой могли варьироваться от дискуссии на страницах печати до осуждения и разоблачения «буржуазного национализма» и показательных политических судебных процессов. Не была исключением и Чувашская АССР. События 1917 года и советская политика коренизации привели к значительной национальной активизации в Чувашии.

Среди чувашских интеллигентов, поэтов и писателей, шли острые и напряженные дискуссии о путях развития чувашской литературы и об отношениях с русскими. На протяжении 1920-х годов чувашская культура развивалась под лозунгами и знаменами национализма. Среди национализмов тюркских народов СССР в 1920-е годы чувашский национализм выделялся значительными особенностями. Идея тюркизма и связи национализма с религией (чуваша являются в большинстве своем православными христианами) не получила сколь бы то ни было значительного развития. Чувашский национализм развивался не как тюркское или клери-

¹ Шкандрий М. В обіймах імперії. Російська і українська літератури новітньої доби. - Київ, 2004

кальное (или антиклерикальное) течение, а как именно чувашский проект.

Начало этому было положено Сеспелем Мишши – чувашским поэтом, который в чувашской интеллектуальной традиции признается основателем современной чувашской литературы. Сеспель стал одним из основателей концепта особого чувашского мира и чувашского будущего. Вероятно, Сеспель Мишши не утруждал себя рефлексией над тюркским происхождением чувашей – его куда больше интересовала современность чувашской культуры и литературы, в формовке и развитии которой он сам успел принять непосредственное и самое деятельное участие. В итоге благодаря Сеспелю в чувашский интеллектуальный инструментарий прочно вошла категория чувашскости, которая нередко коррелировалась с различными лозунгами социально-экономического свойства.

Иными словами, благодаря Сеспелю в чувашской интеллектуальной традиции 1920-х возникла тенденция, в рамках которой категория чувашскости воспринималась как современность. Современность, в свою очередь, для большинства чувашских интеллектуалов ассоциировалась с советскостью. Иными словами, будучи вполне убежденными большевиками, чувашские коммунисты в Чувашской АССР попытались построить некий свой вариант социалистического, но одновременно и именно чувашского, общества.

Для большинства интеллектуалов в национальных республиках такие интеллектуальные упражнения и культурные рефлексии над собственной историей и культурой заканчивались крайне плохо. К концу 1920-х годов центру показалось, что местные интеллектуалы распоясались и слишком много себе позволяют. Поэтому, советская цензура попыталась подчинить местный литературный дискурс, подогнав его под рамки активно формировавшегося советского канона. Способствовать формированию единого дискурса, который отвечал бы нормам большевистской идеологии, были призваны обобщающие исследования, посвященные чувашской истории и литературе, которые появляются к концу 1920-х – началу 1930-х годов.

К тому же, к началу 1930-х годов произошел раскол чувашского интеллектуального сообщества, в рамках которого складываются два течения. Представители первого остались не только большевиками, но последовательными чувашскими большевиками и поэто-

му – умеренными чувашскими националистами. Представители второго течения относительно правильно расшифровали тот идеологический сигнал, который начал исходить из Москвы и частично добровольно, частично принудительно приняли участие в советизации культурного дискурса в Чувашской ССР. Одним из тех, кто понял и пытался влиять на ход унификации культурной жизни Чувашии с общесоветским канонем был известный чувашский писатель Н. Васильев-Шубоссини.

В 1930 году, в Москве, выходит его книга «Краткий очерк истории чувашской литературы», которая имело двойное назначение. С одной стороны, чувашские интеллектуалы сигнализировали московской цензуре, что они поняли исходивший из центра идеологический сигнал и начали исправляться, бороться с различными «перегибами» и националистическими и буржуазными «уклонами». С другой стороны, просигнализовав именно таким образом чувашские лояльно настроенные интеллектуалы пытались взять под контроль сам процесс формирования советского культурного дискурса в Чувашии.

В своей работе Н. Васильев пытался подчеркнуть лояльность чувашского интеллектуального сообщества советской власти – поэтому, чувашская литература позиционировалось им как одно из средств последовательной советизации Чувашии: «в жизни чувашских трудящихся художественная литература заняла определенное место и является одним из могучих рычагов культурного строительства и победы над капиталистическими элементами деревни и упадочническими настроениями среди части крестьянства, интеллигенции и служащих». С другой стороны, вероятно, именно Н. Васильев стал одним из наиболее активных создателей официального советского дискурса написания и описания истории чувашской литературы, заложив те каноны, в соответствии с которыми позднее писались и другие истории чувашской литературы.

Свой очерк истории чувашской литературы Н. Васильев начинает с описания того положения, какое занимали чувашаи до 1917 года. С незначительными изменениями этот мотив сохранялся и доминировал в чувашском литературоведении до самого конца существования Чувашской АССР. Но в то же время, несмотря на весь идеологический советский заряд, в книге Васильева все же еще видны следы чувашского националистического дискурса, который доминировал в 1920-е годы. В работе Васильева заметен некоторый

антирусский нарратив: Российская Империя прочитывается как государство, которое проводило политику, направленную на подавление и угнетение всех нерусских народностей, на их ассимиляцию.

Васильев, в частности, писал, что «воинствующее славянофильство не могло допустить, чтобы чуваша подпадали под влияние панисламизма татар-магометан». С другой стороны, русских чиновников и священников он был склонен обвинять в том, что те «несли религиозный дурман в самые народные толщи». Поэтому, нарратив Н. Васильева еще своден от того большого нарратива о прогрессивной роли русского народа в развитии чуваш, который мы находим в более поздних исследованиях, посвященных истории чувашской литературы. Васильев, наоборот, был склонен акцентировать внимание на прогрессивной роли других угнетенных нерусских народов, татар и евреев. В связи с этим, он писал, что «по национальному вопросу чувашская интеллигенция шла за интеллигенциями более передовых народов... еврейской буржуазной интеллигенции с ее сионизмом, татарской с ее панисламизмом».

Кроме этого, Васильев проявлял умеренный чувашский национализм, когда писал крайне негативном влиянии со стороны русских на чувашей в бытовом плане. По его наблюдениям, в результате этих отношений в чувашскую среду проникали не образцы русской культуры и литературы (в силу того, что подавляющая часть русских сама была с ней незнакома), а проявления культуры низов, «вульгарные песни и похабщина».

Что касается собственно истории чувашской литературы, то к числу ее основателей Васильев относит К.В. Иванова – автора поэмы «Нарспи». В упрек К.Иванову, который в более поздней интеллектуальной традиции приобрел статус первого чувашского писателя, Васильев ставит то, что его поэма «вся проникнута фатализмом и особым мистицизмом». Подлинное начало чувашской литературы Н. Васильев связывает только с приходом к власти большевиков и началом новой национальной политики, которая проводилась представителями чувашской интеллигенции, ставшими после первой мировой войны «закаленными политическими борцами-коммунистами».

Анализируя ранние моменты в истории чувашской советской литературной традиции, Н. Васильев особое внимание уделяет М. Сеспелю. Сеспель Мишши признается им как один из наиболее талантливых чувашских поэтов, который оставил «сильные лириче-

ские стихи». Кроме этого, в отличие от более поздней идеологизированной тенденции интерпретации творчества Сесепеля, Н. Васильев не отрицал и факт самоубийства поэта. Для Н. Васильева характерное двойственное отношение к наследию Сесепеля Мишши: с одной стороны, он критикует его за национализм, с другой, не ставит под сомнение поэтический талант: в частности Н. Васильев писал, что «у него встречаются и пламенные стихи с верой в широкое будущее чувашской литературы, переходящие в националистические нотки».

Другого поэта, пришедшего в чувашскую литературу после 1917 года, Талмрзу, Н. Васильев так же обвиняет в недостатке классовой сознательности и на излишнее увлечение народными традициями: «в творчестве Талмрзы отразилось переплетение любовной лирики, байронизма с националистическими мотивами из шовинистических течений чувашской интеллигенции того времени, мечтавшей о сепаратном мелко-буржуазном государстве».

Н. Васильев, анализируя творчество чувашских писателей 1920-х годов разделил их на две группы. Первая, по его мнению была представлена авторами, которые овладели (или почти овладели) методом социалистического реализма и, поэтому, правильно отражают процессы социалистического строительства в литературе. К таким авторам, Н. Васильев относил Ф. Павлова, Осипова, Эльгера, Васянку, Кели, Уйп Мишши, Юмана, Патмана, Трубину и, разумеется, себя – Шубоссини. Назначение писателей первой группы Н. Васильев видел не только в описании успехов советского строительства, но и в критике писателей второй группы. Под второй группой он понимал тех авторов, которые, по его мнению, не достаточно овладели методом социалистического реализма и еще не расстались со своим националистическим прошлым.

Своих оппонентов Васильев-Шубоссини обвинял в том, что те не освободились от «мелкобуржуазной индивидуалистической философии», по причине чего не в силах создавать оригинальные произведения, но способны только на «перепевание сонетов Есенина» и на создание ошибочных произведений, где переходя на позиции «буржуазного национализма» они пытаются доказать преемственность между чувашами и гуннами, отрицая классовую борьбу в прошлом. Для второй половины 1930-х такие обвинения для обвиненных могли закончиться не самым лучшим образом, но на момент выхода книги Васильева все ограничивалось умеренной

полемикой с навешиванием ярлыков в духе времени.

Васильев пытался утвердить нарратив, согласно которому писатели второй группы не имеют будущего. Анализ их творчества он так и начал: «писателей и поэтов второй группы у нас немного... и они постепенно перевоспитываются и дают более или менее выдержанные произведения». Особой критике со стороны Васильева подвергся Педер Хузангай, позднее признанный одним из классиков чувашской советской литературы. Васильев обвинял будущего народного писателя в есенинщине и постоянных самовоспеваниях: «основное творчество Хузангая индивидуалистично с пессимистическими нотками, папахивающими национальным шовинизмом».

Некоторые обвинения со стороны Васильева позднее могли иметь самые негативные для Хузангая результаты. В частности, Васильев обвинял его в неприятии советской политики почти – во вредительской деятельности: «Хузангай не хочет думать о врагах советской власти, с которыми необходимо бороться... вместо этого... скрытый национализм, не видящий никаких классовых делений среди чуваш». Васильев особенности поэтического стиля Хузангая пытался мотивировать тем, что поэт «оторвался от сельскохозяйственного производства, не может пристать к городскому промышленному производству, но попал в среду беспочвенных интеллигентов».

В целом, Васильев пытался доказать, что творчество Хузангая органически чуждо советской власти в виду того, что поэт предается «поэтическому чванству» и «плывет в ладье богемщины». Правда, Н. Васильев все-таки дает Хузангаю шанс, высказывая мысль, что тот «перевоспитается и оставит идеологию гнилой дореволюционной интеллигенции, примкнувши к красным студентам и вплотную примется за социалистическое строительство в литературе, поняв ее задачи в реконструктивный период».

Наряду с Хузангаем под прицел критики Васильева попал Митта Васли, охарактеризованный им как «автор шовинистических стихов». Что касается Рзая, то Васильев обвинял его в том, что тот «вывел такого типа борца за революцию, который и выеденной яйца не стоит». Рзай обвинялся Васильевым в том, что тот «не понял сущности современной пролетарской поэзии и ее задач». Однако, Васильев полагал, что при «надлежащем воспитании» все трое могут исправиться, если откажутся от заблуждений почерпнутых из произведения Сеспеля и, по словам Васильева, «спустятся с

парнасских высот и встанут в ряды строителей социалистического государства».

В целом, Н. Васильев стал проводником политики постепенной унификации национальных литератур в контексте активно формировавшейся советской литературы. Менторский тон Васильева в отношении своих оппонентов свидетельствовал о том, что в интеллектуальной жизни Чувашии, которая ранее развивалась относительно свободно, стали заметны новые тенденции, направленные на ее унификацию. Кроме этого, Васильев своей книгой не просто активно способствовал формированию в Чувашии нового официального советского дискурса восприятия истории литературы – он заложил основы для того нарратива, который позднее был положен в основание более поздних исследований, посвященных чувашской литературе. Н. Васильев-Шубоссини стремился к формированию нового художественного, критического и исследовательского дискурса в Чувашии, вероятно, искренне, считая, что поступает правильно. Действительно, часть его нарративов была действительно интегрирована в советский канон написания истории и доминировала там до самого конца существования советского исследовательского дискурса.

С другой стороны, примечательно то, что советские интеллектуалы 1970-х, всецело принадлежавшие к тому дискурсу, который формировался не без участия Н. Васильева, предпочитали своей генетической связи не афишировать. Более того, Н. Васильев стал обвиняться ими в дилетантизме и методологически неверных оценках, хотя некоторые из выводов Н. Васильева 1930 года в незначительно измененном виде доминировали в советском чувашском исследовательском дискурсе и в 1970-е годы.

В чем причины такой перемены? Чувашских интеллектуалов 1970-х годов не устраивал схематизм и догматизм выводов своего предшественника. С другой стороны, представители чувашского интеллектуального сообщества, которое, начиная со второй половины 1950-х годов пережило волну национализации, не могли принять его нападки на чувашский национализм. При этом чувашский литературоведческий исследовательский дискурс оставался советским, став более национальным, а творческое наследие Н. Васильева-Шубоссини претерпело своеобразную метаморфозу: Шубоссини-писатель интегрировался чувашскими интеллектуалами в историю чувашской литературы, а Шубоссини-критик – вытеснял-

ся на задворки исторической памяти.

Н. ВАСИЛЬЕВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТО- РИИ ЧУВАШСКОЙ ЛИ- ТЕРАТУРЫ

ЦЕНТРИЗДАТ – 1930

ГЛАВНАУКА НКП РСФСР

Н. ВАСИЛЬЕВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Под редакцией проф. Н.И. Бороздина

Допущено ГУСом в качестве
учебного пособия для чувашских
школ повышенного типа

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДОВ СССР

МОСКВА

1930

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда приходится говорить о крупных культурных достижениях народов Советского Союза, призванных к новой жизни и к новому строительству Октябрем, то видное место должно быть уделено развитию и успехам художественной литературы.

Во всех республиках и областях СССР ширится и растет литературное творчество, наглядно отображающее общий наступательный ход национальной культуры. За короткий срок появилось целый ряд примечательных произведений писателей-националов; и проза, и поэзия, и драматическое творчество насчитывают не мало видных представителей. Я говорю только о современной литературе, не касаясь любопытнейших памятников фольклора и старинной литературы, теперь так же воскрешаемых из мрака забвения. К сожалению, все эти несомненные подвиги на литературном фронте остаются в замкнутом кругу той или другой национальности, не становясь после общим достоянием. До сих пор, несмотря на ряд настойчивых указаний, на русский язык переведены лишь немногие редкие образцы художественной литературы народов СССР. Не только о многих писателях, но даже о литературах отдельных народов нашего Союза русский читатель почти ничего не знает. Само собой понятно, что эти зияющие пробелы должны быть скорейшим образом ликвидированы. И здесь наряду с систематическим и планомерно организованным переводом лучших образцов нацлитературы на русский и другие языки, должны опубликовываться и работы, характеризующие отдельные литературы в их историческом развитии и современном состоянии.

Чувашская литература, рост которой за последние годы особенно заметен, начинает постепенно переводиться на русский язык. В журналах публикуются произведения чувашских беллетристов и поэтов; в скором времени появятся альманахи современной чувашской литературы. Поэтому нельзя не признать чрезвычайно своевременным и нужным издание обзора чувашской художественной литературы. Автор очерка, сам видный чувашский писатель и общественный деятель, большой знаток своего предмета, в краткой и сжатой форме охарактеризовал основные моменты новейшей литературы чуваш. Автор строит свое изложение на общем социальном фоне, отмечая классовую подоплеку тех или иных литературных течений. В заслугу автора можно поставить и то, что он знакомит русского читателя с содержанием наиболее выдающихся произведений.

Летом текущего года Чувашская республика празднует 10-летие своего существования, своих успехов и достижений на хозяйственном и культурно-социальном фронте. Книга Н. Васильева, посвященная одному из участков этого фронта, появляется как раз

кстати. Работа эта красноречиво свидетельствует о быстром, бодром и неуклонном движении вперед чувашских трудящихся масс.

И. Бороздин

ВСТУПЛЕНИЕ

Чувакская литература за последние годы широко развернулась и уже частично начинает проникать в переводе и в литературу других соседних народностей — татар, башкир, удмуртов, мари; некоторые образцы ее появлялись и на страницах русской печати, имеющей многомиллионную массу читателей. В жизни чувашских трудящихся художественная литература заняла определенное место и является одним из могучих рычагов культурного строительства и победы над капиталистическими элементами деревни и упадочническими настроениями среди части крестьянства, интеллигенции и служащих.

Но до сих пор чувашская литература еще не получила систематического освещения с соответствующей оценкой отдельных характерных произведений с точки зрения идеологий, языка и стиля. Между тем ее только учащиеся, но и широкие круги населения при ознакомлении с своей родной словесностью (весьма остро чувствуют этот пробел.

В целях пополнения этого пробела, имея в виду общее ознакомление с чувашской художественной литературой широкого круга читателей, мы решили издать этот очерк, приурочив его к десятилетнему юбилею Автономной Чувашской Социалистической Советской Республики, колыбели основных чувашских искусств.

ЧУВАШИ ДО РЕВОЛЮЦИИ

Чуваши — тюркского происхождения, являются потомками камско-волжским булгар. Они с давних времен населяют Камско-Волжский район, главным образом, по правому берегу реки Волги, в бывших Казанской и Симбирской (ныне Ульяновской) губерниях, вошедших в Чувашскую АССР, где, из 932.000 человек, они составляют 76%. За пределами ЧАССР чуваш насчитывается около 500 000 человек.

До революции чувашские трудящиеся представляли забытых темных «инородцев», трудолюбивых земледельцев, привязанных к своим раздробленным нищенским сельским хозяйствам, дававшим им только возможность постоянного прозябания.

Будучи частью огромного класса мелких производителей, бесправного, обманутого реформой 1861 года, разоряемого налогами и поборами, вынужденного цепляться за свои клочки земли, чуваш, как государственные крестьяне, в массе все же не испытывали кабалу помещиков, но за то постоянно находились в зависимости от кулака и скупщика кустарных изделий и излишков продукции сельского хозяйства.

Находясь под гнетом своих кулаков-ткуштанов и в большой экономической и культурно-политической зависимости от колонизаторской политики русского торгово-промышленного капитала, чувашские трудящиеся начали жить более или менее сознательной жизнью только со времени революции 1905 года, когда волны крестьянских восстаний прокатились по Поволжью, в особенности по Чебоксарскому, Ядринскому, Чистопольскому и Самарскому уездам.

Но эти раздробленные единичные восстания, скорей даже «бунты», не освещенные политическим сознанием крестьянских масс, не сумели разбудить в чувашах дух борьбы и отваги, а террористическая деятельность некоторых чувашских социалистов-революционеров, как Хури (т. Николаев) в Чебоксарском уезде, Минаева в Чистопольском уезде вызывала лишь скоропреходящую сенсацию. В. И. Ленин о террористической деятельности с.-р. определенно писал: «Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что только новые формы массового движения или пробужде-

ние к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит во всех дух борьбы и отваги. Поединки же именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашева¹, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка». (Сочин. Ленина, т. V, стр. 150, изд. II).

Еще раньше, в первой половине XIX века, среди чуваш прошли, так называемые, «картофельные бунты»² в бывш. Косымодемьянском и Ядринском уездах, а в XVII и XVIII веках чувашаи весьма активно участвовали в исторических движениях, связанных с именами Разина и Пугачева. (Из тезисов к докладу «60-тилетие Симбирской Чувашской школы»).

С самого начала XX века (и даже раньше) отдельные выходцы из чувашских трудящихся, побывавшие в больших фабрично-заводских центрах на заработках, а также и лучшая часть интеллигенции начали проявлять интерес к политической жизни. В среду чувашской интеллигенции проникали идеи русского интеллигентского движения, начиная от самого умеренного и кончая самым крайним революционно-террористическим. Одной из проблем, объединяющих часть чувашских интеллигентов, была попытка разрешения взаимоотношений политической борьбы с национальным вопросом. Это выразилось не только в участии отдельных лиц в революционных движениях, но и в создании особой чувашской организации — партии соц.-революционеров, имевшей свою подпольную типографию в г. Казани. В типографии этой печатались прокламации, революционные воззвания и листовки на чувашском языке и через деревенских с.-р. и участников революционного движения распространялись среди крестьян Казанской и Симбирской губ.

Подпольная типография в г. Казани в 1907 г. была раскрыта и казанская группа с.-р. разгромлена. Некоторые представители из этой группы мечтали о создании конституционным путем культурно-национальной автономии чуваш, независимо от территории,

¹ Балмашев — террорист, эс-эр, убивший министра Сипягина.

² Картофельный бунт не есть реакционное явление, каким можно представить его по описанию тогдашних чиновников. Этот бунт был вызван большими взятками и принудительным собиранием в двойном размере семенной картошки и заменой прогнившего картофеля в царских складах — свежим с гряд чувашских крестьян

так как чувашаи были разбросаны, кроме компактной массы в б. Казанской и Симбирской губ. (теперешней Авт. Чувашской ССРеспублики) и по Самарской, Саратовской, Уфимской, Тобольской, Оренбургской и другим губерниям. Им представлялось не создание автономных областей, а автономных национальностей, конституированных независимо от территории.

Было видно, что по национальному вопросу чувашская интеллигенция шла за идейным руководством интеллигенции более передовых народов, как-то: еврейской буржуазной интеллигенции с ее сионизмом, татарской с ее панисламизмом. Здесь сказывались и отголоски программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюссельском конгрессе в 1899 г. под руководством Бауэра и Шпрингера. Была идеализация своей национальности, чаяние ее возрождения, но в то же время и опасность исчезновения до вступления этой национальности на культурно-исторический путь. Нездаром в те времена любили приводить цитату из VII т. сочинений проф. Овсяннико-Куликовского «национальные пути мышления и действия — это те различные дороги, которые ведут в один и тот же Рим — общечеловеческих идеалов. Поэтому исчезновение какой-либо национальности — это всегда потеря для человечества»...

А признаки вырождения чувашской национальности уже имелись на лицо в виде физического вымирания беднейшей части населения и перехода обуржуазившейся верхушки деревни в другие более сильные нации, как в русскую, так и в татарскую; последнее особенно давало себя знать в районах преобладания татар на почве влияния магометанства.

Беднота же, несмотря на то, что десятки тысяч ее ежегодно уходили в большие фабрично-заводские города: Казань, Нижний Новгород, Сталинград, Баку и др., медленнее подвергалась ассимиляции.

Это происходило отчасти от того, что отходники, будучи в большинстве мелкими собственниками на родине, не могли осесть в крупных промышленных районах и пролетаризироваться, а также не могли усвоить русские обычаи и язык. Но и среди этих отходников, выполнявших самые трудные черные работы в городах находилось немало лиц, отрекшихся от своей нации, как уг-

нетенной и вызывающей насмешки со стороны городских мещан и мелких торговцев. Все чувашки знали, с каким презрением эти мещане произносят «Фасиль Ифаныч», называя этим именем всякого чувашина и с насмешкой отмечая мягкость его речи.

Отсюда понятно и то пессимистическое отношение к родной словесности и родной литературе, какое наблюдалось среди большинства интеллигенции в период реакции, с 1908 г. вплоть до Февральской революции. Вся чувашская масса стремилась освоить хоть сколько-нибудь русский язык. Стремление это выражалось в различных формах: даже деревенские бабы и те мечтали говорить порусски, потому что им приходилось в городах и на базарах иметь дело с русскими купцами и мещанами, не желавшими объясняться на чувашском языке даже и тогда, когда они его немного понимали.

Между тем, чувашам русский язык давался туго, только вульгарные песни и похабщина легко заносились чувашскими отходниками и пелись на «улах» (посиделках); что же касается революционных песен, то хотя они и приносились учащейся молодежью и сознательными рабочими, но мало пелись, так как из них немало пострадало чуваш в 1905—1907 гг. во время крестьянских волнений. Чувашский язык был в загоне, и только Октябрьская революция раскрепостила его и открыла перед ним широкие перспективы.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Чувашская художественная литература своими социальными корнями глубоко уходит в народное творчество, и первые печатные произведения чуваш, увидевшие свет еще до появления чувашского алфавита, скорее представляют плод чувашских трудящихся масс, чем творения отдельных даровитых личностей. Правда, авторы переделывали народную словесность по своему мировоззрению и настроению, но от этого она не теряла своего первоначального характера.

Как уже в первой главе было сказано, чуваш в своей массе жили бедно, в вечной борьбе за существование, под двойным игом; многим в поисках заработков приходилось уходить на сторону.

И первые чувашские песни, появившиеся в печати, в русской транскрипции, отражают жизнь бурлаков-чуваш из приволжских селений, лежащих между Чебоксарами и Козьмодемьянской. В этих песнях, собранных в 50-тых годах XIX века неким Михайловым, гражд. Козьмодемьянского уезда, изображена беспросветная жизнь чуваш, когда нужда и голод гонят бедных мужиков на бурлачество и они вынуждены расстаться со своим хозяйством, полями, прекрасной цветущей природой родных полей и лесочков, с заливыми заволжскими лугами. В песнях красиво изображены моменты разлуки мужей с женами, женихов с невестами, когда мужчины обещают женам и невестам, остающимся дома, во время прохождения мимо родных мест, петь любимые песни и посылать салам под звуки пузыря и гуслей.

Появление чувашского алфавита и употребление его для издания чувашского букваря и переводческих миссионерских изданий совпали с восьмидесятыми годами, которые явились эпохой глубочайшего кризиса русской интеллигенции и всей передовой общественности. Реакция, возглавлявшаяся известным К. Победоносцевым, не могла допускать издания чувашской светской литературы и потому первые чувашские интеллигентные силы если и занимались собиранием фольклора, то издавать его не могли. Видным работником в области обследования фольклора чуваш был учитель Г. Тимофеев, который в 1900—1903 годах собрал много любопытного материала. В своем труде «Девять деревень» он подобрал чу-

вашские песни, пословицы, сказки, предания и описания празднеств, при чем при объяснении последних он пытался придать им окраску христианских праздников, производя их от христианских событий, якобы, давно известных чувашам.

Такое толкование чувашских празднеств можно объяснить только попыткой подделаться под господствовавшее вероисповедание и цензуру, или полным непониманием вопроса о происхождении народных торжеств и гуляний. Труд Тимофеева в рукописном виде хранится в Чувашском Центральном Музее и представляет сырой материал для любителя чувашской старины и историка.

В 80-90 годы, когда, по выражению А. В. Луначарского, «благороднейшие представители литературы не могли не повернуть к полумистическому толстовству или к безвыходному пессимизму», чувашская интеллигенция не могла быть свободной от этих веяний эпохи. И первое оригинальное произведение на чувашском языке, написанное быв. инспектором Царевококшайского уездного училища М. Федоровым, полно мистицизма, здесь герой — бедняк молится и чувашским и русским богам, последнему в лице известного сердитого Микул-Чудотворца в с Ишаках. Произведение это под названием «Арсюри» («Леший») написано в 1880-х годах народным бойким языком в стихотворной форме и представляет как бы преддверие изящной литературы

В «Арсюри» изображается бедственное положение чувашина, который на кляче заблудился в бесконечных оврагах Чебоксарского уезда, сам с собой говорит и проклинает подати, из-за которых лошадь не доедает, и он сам вынужден ездить к Николе вымаливать исцеление хворой жене. В конце-концов бедняк готов броситься в реку под мельницу богача, превратившись сперва в хрупкую гнилую хворостину. Стихотворение это, по выражению автора, было написано после долгих попыток перевода на чувашский язык пушкинских произведений «Бесы» и «Утопленник». Оно проникнуто социальными и чисто национальными мотивами, поэтому чувашаи его знали наизусть задолго до его появления в печати.

В начале XX века мы имеем целый ряд чуваш, учащихся средних и высших учебных заведений, которые занимаются собиранием чувашских народных песен. В 1903 году студентом К. Прокопье-

вым опубликовано в «Известиях Об-ва Археологии, истории и этнографии» в г. Казани много свадебных песен, среди которых весьма замечательной по своему содержанию и форме является приветственная песнь на свадьбе главного свата со стороны жениха у отца невесты. Эта речь носит название «такмак», в ней насчитывается 100-120 печатных строк, рисуется жизнь чувашина в давно-прошедшие времена, «когда он на олене-лосе за невестой ездил, а орел ему на гусях золотым клювом играл».

«Такмак» идеализирует жизнь чуваш, можно думать, что все чуваша живут где-то в прекрасной стране - весьма богато и сытно, едят на серебре и золоте, перед ними играют песни на гусях орлы поднебесные, а сами они ездят на оленях златорогих.

Революция 1905 года всколыхнула всю крестьянскую массу и, отчасти, чувашскую интеллигенцию. К этому моменту духовные запросы чуваш выросли, они уже интересовались политическими событиями, к ним проникали революционные идеи.

В конце 1905 г. появляется либеральная чувашская газета «Хыпар» («Вести») в Казани. Она впоследствии полежала, перешла в руки приверженцев с.-р. террористов и летом 1907 года была закрыта. Газета сыграла роль собирателя чувашских революционно-настроенных сил, а также выявляющихся журналистов. В ней впервые появляются революционные песни-стихи. Самый старейший из теперешних чувашских поэтов Н. Полоруссов впервые появился на страницах «Хыпар», где поместил большое стихотворение «Змий», рисующее жало революции, пугающее царское правительство. «Хыпар» была популярной и понятной чувашской газетой, но ее не так-то легко было распространять: с одной стороны, чуваша еще не привыкли к периодической печати и не могли платить за газету, с другой — полиция преследовала как распространяющих, так и выписывающих. В «Хыпар» печатались довольно революционные вещи, но попадали и реакционные произведения, как, например: «Урожайный год» Кириллова.

В этом произведении изображена семья богобоязненного скупого богача, женившего сына на весьма «пристойной» девице из хорошей семьи. Впоследствии этот Кириллов дал несколько рассказов, из которых реакционнее всех рассказов — «Бог труды любит», где наизнанку изображается дифференциация деревни и ге-

рой рассказа — ойрота, прожив в большом приволжском городе у богатых и «благочестивых» людей, становится образцовым женихом во всей волости, женится на богатой и впоследствии становится «знаменитостью» волости — старшиной.

Совершению обособленно стоят произведения, появившиеся в период 1907—1911 г. в городах Симбирске и Казани.

Из Симбирской чувашской школы в 1907—1908 гг. вышли впервые лучшие произведения чуваш, среди которых весьма богатой и сильной является поэма «Нарспи» К. В. Иванова — талантливое чувашское поэта и художника. Так как чисто художественные оригинальные произведения брались под сомнение (за исключением, например, рассказов Кириллова), то первые произведения лучших поэтов того времени были изданы в одном сборнике под названием «Сказки и предания чуваш».

В «Нарспи», помещенной в этом сборнике, обрисована несчастная любовь красавицы Нарспи — дочери богатого кулака, который насильно выдает свою дочь за богача другой соседней деревни. Нарспи, влюбленная в деревенского бедняка-сироту, борется долго против судьбы и, наконец, отравляет мужа; она гибнет из-за проклятия отца, повесившись в лесу на дереве.

Герой в «Нарспи» — Сетнер неграмотный, нерешительный и в борьбе с богачем Михетером инициативу уступает Нарспи, ставшей после убийства мужа его женой. Сетнер сетует на судьбу, пославшую ему несчастную долю, когда нет воли, нет денег и имущества, а есть враг, которого он мог бы победить, если бы не боялся народной молвы. А Михетер — это богач-кулак, всецело упирающийся корнями в свои поля и луга, на которых пасутся его стада и табуны; он совершенно незнаком с городской культурой, ведет натуральное хозяйство. Он ни за что не хочет сродниться с бедняком, безродным Сеттером и прокликает его и свою дочь, котла после убийства мужа они сошлись вместе. Но, несмотря на это, когда воры напали на Михетера, Сетнар бежит на помощь своему тестю и от руки воров погибает.

В поэме очень много сочных бытовых и пейзажных картин, до сих пор непревзойденных еще в чувашской литературе. Поэма вся проникнута фатализмом и особым мистицизмом, на основе изображения подневольной доли чувашки.

В сборнике имеются еще две поэмы Н. Шубоссинни, рисующие быт чуваш и их суеверия, возникшие на почве беспросветной жизни и вечной борьбы со стихией. Эти две поэмы, написанные на основе мистических рассказов чуваш из области любви, отображают влияние «Демона» Лермонтова, особенно поэма «Змий страсти»; здесь описывается, как к одинокой девушке в образе деревенского юноши прилетает злой дух страсти. В поэме много красивых образов из заговорной речи в стихотворной форме.

В этих поэмах и рассказах молодыми поэтами довольно красочно переданы социально-бытовые явления чувашской деревни; так Иванов взял эпоху пятидесятых годов, а Н. Шубоссинни — время после 1905 года, когда в деревню уже проникли грамотность и даже революционные песни. Как в «Нарспи», так и в «Янтрак янтраве» изображена борьба между беднотой и кулаками, у чуваш называемыми «куштанами», только борьба в них принимает различный характер и форму, соответственно производственным отношениям и типам героев.

Герои в «Янтрак янтраве» отличаются от героев «Нарспи». Они все почти грамотные, а кулак Янтрак на сходе и прошение сам составляет и ходоком к лесничему его выбирают. Его враги молодые парни во главе с Петром и Тракка тоже достаточно грамотны, а Степан даже учится в городе и приезжает в форменной одежде в деревню.

Здесь дело разворачивается на общем фойе безземелья крестьян, нуждающихся в выгоне, но сдающих в аренду Янтраку общественные пустопорожние места за водку. Молодежь сопротивляется и жестоко набивает кулака, но впоследствии кулак мстит, убив вилами героя Петра, когда он собирался увести замуж его сестру. Действие происходит уже вначале реакции и потому неудивительно, что в рассказе, под руководством кулака Янтрака, была отображена часть школьной земли.

Если мы дальше проследим движение чувашской литературы, то в реакционные годы не можем похвалиться ни одним солидным изданием, кроме маленьких брошюр (и те в здании военного времени). После закрытия газеты «Хьшар» никаких журналов и альманахов ее издавалось; чувашские литературные силы разбрелись по разным городам и деревням. Например, теперешний поэт По-

лоруссов скитался по Сибири. В Сибири же погиб Таяр Тимки, сотрудник «Хыпар», давший несколько революционных песен. Чувашская интеллигенция изуверилась в будущности чувашской литературы — и мы видим в эпоху 1908—1914 гг. только две заметные книжки. Одна - Н. Шубоссинни с 7 стихотворениями и другая — сборник народных песен, собранных Пазухиным, П. В. среди чуваш Казанской и Симбирской губ.

В брошюре Шубоссинни бодрые песни сменяются унылыми нотками. Одни названия «Сирота», «Одинокий» уже говорят о чем-то упадочном и, действительно, в них ярко выражено преклонение автора перед «усовершенствованием личности», воспевается индивидуализм. Среди песен имеется сочный фельетон-пасквиль «Пьтелмей», в котором зло осмеян деревенский богач мельник с сыном-гимназистом «светлопугавкиным», отрицающим физический труд и хвастающимся, что он работает головой. Здесь отразился в резкой форме отход интеллигенции от трудящихся в те реакционные годы, когда чувашские интеллигенты уже мало интересовались политикой, когда им прежде всего нужно было самим «продвинуться» вперед по лестнице служебной карьеры. Каждый шел в разброд вперед, что ярко отображено в лирических стихотворениях «Одинокий» и «Наш путь». В этом же сборнике помещена песня трубокура «Трубка», которая стала весьма популярной среди чуваш, вызывая до сих пор подражания. «Трубка» в форме гимна табакокурению осмеивает табак и курящих, нередко являющихся виновниками деревенских пожаров (она и написана-то после пожара в с. Альгешево). Эта песня до сих пор в деревнях декламируется на различных литературных вечерах. Кроме указанных авторов был еще ряд писателей, как: Тхти, Кореньков, Юркин, но произведения их не собраны и их трудно учесть.

Вот почти вся литература, созданная в период дооктябрьской революции. Она мала по размеру и проста по содержанию. В ней, однако, много материала для филолога, но немало и для этнографа и социолога.

Что же касается переводной литературы, как-то: произведений Лермонтова, Пушкина, Толстого, Андерсена (сказки), то они большой роли в чувашской литературе не сыграли, хотя и послужили первым толчком к появлению «сказок и преданий».

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА КАНАШ В 1923 ГОДУ

В реакционные годы и годы империалистической бойни народов художественная литература чуваш замерла, но переводное и оригинальное миссионерское словоблудие находило крепкую поддержку власти и распускалось махровым цветом в Симбирске, Казани и Уфе чувашскими миссионерами. А передовая интеллигенция в эти годы или отошла от своих сородичей, или замуровалась в своей скорлупе, или воевала на фронтах за интересы буржуазии и царизма, или, в лучшем случае, ее немногие представители находились в подполье.

Но вот пришла февральская революция, и интеллигенция снова зашевелилась и в своем стремлении к власти снова взялась за общественную работу: она принялась агитировать за поддержку Временного Правительства, за Учредительное Собрание и выставляла себя, как защитника и руководителя крестьянских интересов.

Уже в конце апреля 1917 года отчасти на средства Правительства и отчасти на средства чувашской буржуазии (имевшей к тому времени в своей среде и миллионеров), возобновляется издание газеты «Хыпар», закрытой в 1907 г.

При газете начинается издание политической литературы, правда, первое время неопределенной либеральной платформы, а впоследствии, тогда в составе редакторов и сотрудников начали преобладать эс-эры, определенной эсэровской ориентации. Вместе с подготовкой к выборам в Учредительное собрание росло шовинистическо-национальное течение среди руководящей верхушки интеллигенции. Заговорили опять об экстерриториальной автономии чуваш. Выборы в Учредительное собрание проходили под лозунгом: «Все за номер первый» списка, т.-е. за чувашских эс-эров. Таким образом, оказались выбранными 5 интеллигентов-чуваш, получивших высшее образование, состоящих в эсэровских организациях.

Вплоть до Октября и даже после, до начала 1919 г., в газете мало печаталось чисто литературных произведений за исключением маленьких агитационных стихотворений. В это время вышла одна драма «Преждевременная смерть» Акимова. В этой драме доволь-

но удачно отражены ужасы империалистической войны: осиротелость сел и деревень, использование войны деревенскими кулаками в форме эксплуатации труда вдов и сирот при уборке своих полей. В годы гражданской войны драма эта имела широкое массовое распространение и ставилась на спектаклях и литературных вечерах, устраиваемых в сельских школах. Говорить о литературе за период от февраля до Октября и не приходится, так как таковой почти не было.

Но вот грянул Октябрь и раскаты его с неослабевающей силой докатились до широких волжских вод. В центре Камско-Волжского края, в г. Казани, уже 10 декабря 1917 г. рабочие и красногвардейцы в кровопролитном бою отняли власть от приверженцев Керенского и установили Советскую власть во всем крае.

Среди этих борцов за советы были и чувашские трудящиеся, рабочие и солдаты, которые впоследствии, в январе 1918 года, уже созвали Всероссийский Съезд чувашских солдатских депутатов, выбравший Центральный Военный Чувашский Совет.

Совет этот мало помалу увеличивал свои ряды за счет прибывающих с фронта демобилизующихся солдат-чуваши и постепенно завоевывал руководство массами в борьбе с чувашскими «социалистами». В феврале 1918 г. «Хыпар» был заменен советской газетой «Канаш» («Совет»).

В это время чувашские трудящиеся уже имели своих представителей в коммунистической партии и в советах, участвующих в осуществлении национальной политики партии. В мае 1918 года в г. Москве при Наркомнаце открылся Центральный Чувашский Отдел для обслуживания всех чувашских трудящихся масс, распыленных по различным губерниям и областям РСФСР.

В 1918 и 1919 гг. местности, населенные чувашами, испытали все тяжести и лишения от гражданской войны, вызванной борьбой чехословацких и колчаковских банд против советской власти. В борьбе с белобандитами пало немало чувашских юношей, в том числе и коммунистов.

Но многие вернулись с поля брани закаленными политическими борцами-коммунистами и влили бодрую силу в ряды чувашских руководителей.

Вот из таких коммунистов был собран в г. Казани 4-го февраля

1920 г. 1-й Всечувашский Съезд чуваш-коммунистов, решивший организовать Автономную Чувашскую Область. 24 июня 1920 г. Центральный Комитет Коммунистической Партии большевиков, под непосредственным руководством великого вождя мирового пролетариата — В. И. Ленина, решил дать автономию чувашским трудящимся, и на карте РСФСР появилась Автономная чувашская область, впоследствии преобразованная в ЧАССР.

Автономия вызвала небывалое оживление чувашских трудящихся и сознательных деятелей из рядов интеллигенции. Несмотря на постигший Чувашию кошмарный голод, чувашские трудящиеся не сложили своих рук под тяжестью невзгод, а миллионной массой встали на борьбу с голодом и разрухой, обнадеживая себя близкими победами и широкими перспективами в дальнейшем. С величайшими трудностями, при содействии союзного пролетариата, чувашаи преодолели голод и с возобновившимися силами принялись за культурное строительство края.

Открывались новые школы, расширялась сеть культурно-бытовых учреждений: школ, больниц, фельдшерских и агрономических пунктов. Зародилась и постепенно окрепла потребительская, а затем производственная кооперация. В центре Чувашии, в старинном городе Чебоксарах, открылись театр, кино, чувашская типография, начали издаваться газеты, журналы и множество популярной/литературы. В настоящее время одних" периодических/изданий в г. Чебоксарах выходит 12 с тиражей до 100.000 экземпляров. Появились десятки и сотни молодых энтузиастов рабкоров и писателей, которые старались вровень пульсу жизни брать актуальные темы, полные повседневной борьбы деревенской бедноты с кулачеством наряду с воспеванием красочных героических битв на Восточном и Южном фронтах Красной армии и т. д.

Родились из самой гущи народной свои поэты-глашатаи новой молодой жизни и певцы серых героев труда. Многие в пылу азарта оглянулись назад и, подобно русским писателям, создали свои исторические поэмы и песни о народных волнениях, об исторических событиях прошлых веков, доходя в увлечении нередко до шовинистических восхвалений своего народа.

Так постепенно возник кадр культурных работников, а затем и чувашская художественная литература стала совершившимся фак-

том и одним из важных факторов дальнейшего продвижения чуваш к социалистическому строительству.

Развитие чувашской литературы после революции можно разбить на два периода: один до нэп'а, другой после него, когда в центре Республики (Чебоксарах) писательские кадры получили организационное оформление в виде ассоциации писателей на платформе пролетарских писателей центральных городов РСФСР.

Острые переживания, динамизм событий, бурная, полная драматизма и быстрых перемен, жизнь 1917 — 1920 гг. отобразились в чувашской литературе, большей частью, лирическими стихами, песнями, одами, полными революционного восторга. Правда, иногда эти стихи носили программный характер, выходили из ряда действительно вдохновленных порывов и были «сезонными», лозунговыми, но все же они были первыми ласточками идущей за ними ярко ликующей весны, весны зарождения чувашской литературы, черпающей силы с одной стороны из народного творчества, и с другой — из пролетарской литературы соседних народов, главным образом, русской. Первые писательские силы группировались вокруг выходивших в то время газет в Казани, Симбирске, Уфе и Москве. Некоторые из поэтов и писателей были в рядах Красной армии и «пели песни» свинцом и железом, так что писать не имели времени, но они среди красноармейских частей играли роль агитаторов и пропагандистов и своими речами зажигали их на бранные подвиги. По требованию же красноармейцев ставились в импровизированных театрах революционные драмы из событий недавнего прошлого, времен империалистической войны. Наравне с лирическими стихами появилось около десятка драматических произведений, созданных, главным образом, первыми артистами и композиторами для удовлетворения сильно возросших духовных потребностей красноармейцев, а также сезонных рабочих, хлынувших на строительство городов и транспорта.

Еще в феврале 1918 года в Казани, под руководством первых коммунистов-чуваш из Чувашского Отдела Наркомнаца организовался особый Чувашский клуб, где впервые был поставлен чувашский спектакль. Для этого, основателем чувашского театра, артистом Максимовым-Кошкинским была переведена драма Островского «Не так живи, как хочется». Впоследствии были поставлены

в переводе «Королевский брадобрей» Луначарского, «От нее все качества» Толстого, «Ревизор» Гоголя, «Гамлет» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера. Также появились и свои оригинальные драмы, первой из которых была «Нарспи», переделанная из дореволюционной поэмы Иванова — нынешним драматургом Осиповым.

Кроме драм, писались комедии из деревенской жизни, где сплетение коварства и хитрости чувашки с тупостью и щепетильностью какого-нибудь скупердяя-урода, вызывали смех у зрителей. В драмах описывалось угнетение бедноты деревенскими богачами-кулаками, чувашскими куштанам, которые, в большинстве случаев, оставались безнаказанными; только в произведениях, изображающих послереволюционное время, кулака постигла достойная его участь.

Но все же этот период чувашская революционная литература, рождающаяся на фоне крестьянской индивидуалистической идеологии, не могла дать марксистски выдержанных произведений. Многие талантливые поэты в восторге от идеи самоопределения своего народа в своих песнях и поэмах впадали часто в националистический шовинизм. Точно также нужно сказать и о влиянии есенищины и богемщины на некоторых молодых писательских силах, вообразивших себя обитателями Парнаса.

Все это происходило, с одной стороны, вследствие незрелости и неподготовленности писателей и, с другой стороны, из-за отсутствия надлежащего руководства и соответствующей литературной организации с выдержанной материалистической художественной платформой.

Литература этого периода была крестьянской в полном смысле этого слова; правда, свистки заводских труб и паровозов, а также и шумная жизнь городов проникали в песни молодых поэтов, но все же тематика вращалась больше всего около крестьянских вопросов. Еще не было критики, не было споров о путях, не ставились крупные вопросы теории и политики в литературе. Был социальный заказ и он выполнялся, но в то же время в умах многих писателей уже бродили попытки создания литературы пролетарской.

Останавливаться на отдельных писателях и поэтах этого периода в кратком очерке нет большой надобности, т. к. они, не успев

как следует оформиться и выявить свои литературные позиции в то время, в основном вошли во второй период послереволюционного развития чувашской литературы уже творцами и двигателями ее, дав более законченные и цельные произведения. Исключение может быть сделано только для двух-трех поэтов, более характерных для этого периода, погибших во цвете лет в голодные годы в Поволжье (Сеспель Мишши, Талмрза и Ахах). Из этих безвременно погибших писателей самыми яркими были первые двое. Сеспель Мишши оставил сильные лирические стихи, большей частью, сентиментальные, некоторые из которых овеяны пессимизмом, как будто он предчувствовал свой трагический конец (он повесился в 1922 г на Украине). Таковы, например, его стихи «Жизнь и смерть», «Тяжелые думы», где встречаются такие места:

Халчен шанчăкпала чĕрем сунчĕ
Пайан кун чĕрере ёмĕт сунчĕ
Шанчăксăр чунăма сивĕ сăпрĕ
Хуйхăллă чĕрере вайăм чакрĕ...³

Наряду с этим у него встречаются и пламенные стихи с верой в широкое будущее чувашской литературы, переходящие в националистические нотки. Так, например, в стихотворении «Чувашский язык» он пишет:

Миçе ёмĕр витĕр асаппа тухмарăн
Миçе сичĕ йутăн мăшкăлĕ пулса...
Çапах паттăр йултăн, вайна сухатмарăн
Хач те пулин сивĕч, кăвартан таса.
Йăвăр асапран та, тимĕр сăнчартан та
Есĕ парăнмасăр хăтăлтăн пулсан –
Пулас пурнăçра та сивĕчпе хăватлăх
Йут чĕлхенсенчен те кайа пулмĕ сан.
Кăмăллă сĕр-шивăн кăмăллă чĕлхеçĕм!
Иртнĕ хурлăххушăн ситĕ ырлăху:
Хĕрлĕ хĕрнĕ хурçă, сунтаракан сисĕм,
Вĕри вутлă сулăм есĕ пулăн ху!⁴

³ До сего времени надеждою сердце горело,
А сегодня мечта совсем уже погасла
Холодом ударило в безнадежную душу
И в несчастном сердце сила ослабла

⁴ Через сколько веков перенес ты страдания
И скольких народов посмешищем был?
Все же остался боевым и силы не потерял, –
И теперь ты сечешь и горишь пламеннее огня.
От тяжелых невзгод и железных цепей

Так сказалоь возрождение чувашской народности и его языка на одном из талантливых поэтов, до сего времени еще находящем своих подражателей Сборник его немногочисленных стихов встретил весьма сочувственное отношение молодых поэтов и писателей, а также и критиков, не отметивших еще до сего времени его пессимизма и шовинистических ноток.

Второй поэт, Талмрза, кроме лирических стихов, тоже сентиментальных, оставил несколько драм в стихах, правда, не совсем законченных. Самая сильная из них «Сильби» (по имени героини), рисует чувашских князей во время расцвета Булгарского государства, когда сени вели широкую торговлю с соседними народами. Здесь оказалось влияние некоторых дореволюционных чувашских историков, рисующих булгарский период в жизни чуваш «золотым веком» и в угаре шовинизма не желающих помнить, что во времена булгарских ханов трудящиеся чуваш переживали гнет и платили непосильные куланы (поборы и налоги) своим князьям и турханам, сами пребывая в нищете и невежестве. В «Сильби» Талмрза попытался дать картину богатой торговли и широкой связи камских булгар почти со всеми народами «старого света» Для этого он рисует прием у булгарского хана (князя); отца Сильби, и показывает целую плеяду торговых гостей, приветствующих хана и восхваляющих «золотой век», его ханство. Тут встречаются: норманны, греки, индусы, китайцы, арабы, славяне и бухарцы. Такое множество действующих лиц, конечно, подавило и затемнило главнейших героев, которые вместо действенных Движений, вынуждены заниматься такими диалогами:

Силпи.
Савнӑ Тивлет, есӗ ху
Ытарайми илемлӗ.
Ман курайми тӑшманӑм
Арӑм туса пӑрахӗ
Сан чӗрӗне хытарӗ,
Ман телейе петерӗ.

Не подорвавшись, если ты освободился,
В грядущих веках твоя сила и слава
Не будут ниже и слабже чужих языков.
Славного родного края милый язык!
За бывшую печаль постигнут тебя светлые дни
Закаленной сталью, разжигающей молнией,
И воспалющим пламенем ты сам будешь тогда.

Тивлет.
Ѕук, ѕук! Асту, ак хёвел
Пире курса саванат,
Ѕшшан пāхса, пиллесе
Хай хёлхемне вāл такāt⁵.

В своей любви этот герой доходит до демонизма и готов весь мир принести на алтарь возлюбленной:

Ах, мёншёнха еп патша
Тёнче патши епё мар?
Мёншён тёнче пурлāхё
Манан аллāмсенче мар⁶.

И дальше после длинной тирады о том, что он содержал бы ее в золотых чертогах и все богатства мира рассыпал бы перед ней:

Епё турā пулсассан.
Мён пур, мён пур тёнчене
Епё тытса тāрсассан,
Пирёштисен сарсане
Сана сыхлаттарātтām
Мён пур сывā чунсене
Санан чуру тāvātтām
Сан илемне тёнчипе
Кунёпе те сёрёпе
Мухтав йурри йурлама
Епё хушса хурātтām.
Ѕāлтāрсене, уйāха
Ѕўлтен илсе анātтām.
Кāккāруна май сине
Тевет туса сакātтām,
Пёр сак сута хёвеле
Хам валли хāварātтām,
Хам кāккāрти чёрене

⁵ Сильпи:

Милый Тивлет, ты сам
Неотразимо прекрасен,
Но мой неизвестный враг
Как-бы не забрал меня в жены,
Не охладил бы твое сердце
И не погубил бы мое счастье
Тивлет:

Нет, нет! Примечай, как солнце
Радуетя при виде нас вместе
Обогревая и благославляя
Свои искры оно сыплет

⁶ ... Почему я не владыка мира
И богатства мира не в моих руках

Ана кёртсе лартăттăм,
Унăн чăтми ашшипе
Сана ашăтайăттăм,
Унăн пётми суттипе
Сана сутатайăттăм...⁷

Этот возлюбленный в первом же действии погибает от рук русского князя Андрея Боголюбского, внезапно напавшего на хана.

Такая игра Талмрзы солнцем и другими светилами мира встречаются и в другой его драме из недавнего прошлого «Вина сильных», где он рисует быт и нравы бывшей Симбирской чувашской школы под строгим режимом основателя ее И. Я. Яковлева.

Кроме подражания «Демону» Лермонтова, в его произведениях есть и попытка отображения чувашской мифологии. Так встречаются места, говорящие о том, что солнце и звезды в начале создания мира ходили невысоко над людьми, но поднялись вверх на небо, когда первобытный человек побил их кнутом. К тому же нужно сказать, что чувашаи по некоторым данным имели культ солнца и других небесных светил, о чем свидетельствует и обычай клятвы чуваша именем солнца, луны и звезд.

В творчестве Талмрзы, таким образом, отразилось переплетение любовной романтики, полной байронизма, с националистическими мотивами из шовинистических течений среди чувашской интеллигенции того времени, мечтавшей о сепаратном мелкобуржуазном государстве.

Как талантливый поэт, Талмрза оставил весьма ценные в художественном отношении описания природы Приволжского края,

⁷ Если-бы я был богом,
Владыкой мира,
Охранял бы тебя
Целый сонм ангелов,
Все живые существа
Были-бы твоими рабами...
И звезды, и луну
Снес-бы с небес –
И на твою шею и грудь
Повесил бы ожерелья из них .
Только бы оставил для себя
Одно это светлое солнце.
И в сердце свое под грудь
Я бы его вставил,
Его пылающим жаром
Тебя обогревал бы
И не иссякаемым светом

которые по красоте силе еще не превзойдены молодыми поэтами.

Кроме этих двух поэтов, первый период послереволюционной чувашской литературы полон второстепенными именами крестьянских писателей, впоследствии постепенно усвоивших пролетарскую идеологию и вставших в ряды организаторов ассоциации пролет, писателей Чувашии. Здесь же можно, встретить и таких, которые в последующей жизни отошли от литературной деятельности в область административной или хозяйственной работы.

Этот период хотя и является периодом чистой крестьянской литературы, уснащенной революционной лирической поэзией лозунгового характера, но все же он ценен тем, что дал основу для развития чувашской литературы в дальнейшем, указав методы концентрации писательских кадров вокруг газет и журналов, которые, в свою очередь, помогли перейти крестьянской литературе на рельсы пролетарской идеологии. Тогда же появились и первые драматурги, и артисты, и композиторы, вполне отчетливо выявившие себя в дальнейшем.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Последовавшее после введения нэп'а развитие чувашской литературы характеризуется широким охватом многообразной жизни последних лет, а также недавнего и далекого прошлого чуваш. Здесь мы наблюдаем особый подъем и рост писательских кадров из рабселькоровских радов, организационное. Оформление их в ассоциацию писателей и усиление внимания к ним советской общественности, наряду с чем происходит расширение творчества и определение путей развития литературы. По всестороннему выявлению жизни чуваш на основе изучения и отображения пережитых ранее исторических событий, а также по исканию и нащупыванию творческих путей к сближению с пролетарской литературой и переводу растущих кадров на рельсы пролетарской идеологии — этот период намного отличается от предыдущего, а тем более от дореволюционного.

Говоря о пролетаризации чувашской литературы, необходимо привести определение П. Когана: «Пролетарским писателем является не только тот, кто непосредственно дает типы пролетариев, изображает пролетариат, уже осознавших себя, как класс, писатель, который «до малейшей нити своей сформирован пролетариатом». Пролетарским писателем является и тот, кто почувствовал, как новое пролетарское мироощущение взрывает привычный строй понятий во всех слоях общества, как появление нового класса преобразует весь мир старых представлений.

«Пролетарским писателем является и тот, кто захвачен непосредственно революционным движением и борьбой, начатой пролетариатом, и тот, кто /под влиянием этой борьбы и в духе ее целей изображает крушение других классов, хотя бы из тех, из которых он сам вышел, и, наконец, писатель, широко понимающий общечеловеческие задачи пролетариата, социальные и моральные основы будущего строя жизни, который призван утвердить на земле пролетариат». (П Коган. «Очерки по истории новейшей русской литературы». Том IV., стр. 252 и 253, изд. 1929 г.).

Переход чувашской литературы к пролетарской идеологии частично начался еще с первых дней Октябрьской революции, но в основном этот процесс начался только в 1923—1925 г.г.

УКЛОНЫ И БОЛЕЗНИ

Нельзя не отметить, что переход от военного коммунизма к нэп'у, к строительству социализма на основе новых форм, организации государственных и обобщественных средств производства, наряду со свободной частной торговлей, твердая денежная валюта и продовольственный налог, — все это вместе взятое с другими атрибутами нэп'а в представлении отсталой части чувашского крестьянства вызывало признаки возврата к старому строю социально-экономических взаимоотношений, к полному распоясыванию кулаческих элементов с допущением их к вершению общественных дел.

Пропаганда о Советской власти без коммунистов, имевшая последствием Кронштадтское восстание, проникла и в среду чувашских интеллигентов и служащих. Лозунги В.И. Ленина «Не бояться учения коммунистов у буржуазных спецов, в том числе и у торговцев и у капиталистических кооператоров и у капиталистов» некоторыми ответственными работниками истолковывались в смысле допущения опытных усламзей (торговцев) к руководству кооперативной и государственной торговлей, а также нашлись такие, которые заговорили о расширении прав и об увеличении доверия к интеллигентам, хотя бы бывшим в рядах белой армии, об обеспечении и упрочении их (консолидации) в общественных организациях.

Все это вначале нэп'а отражалось и в молодой писательской среде. Особенно заметное усиление в сторону возврата к старому, чувствовалось среди писателей-беспартийных и представителей старой интеллигенции, организовавших в «Чувашское общество литературы». Это общество выработало свою платформу, положив во главу угла восстановление чувашской старины, с сохранением чистоты чувашского языка, и создания особой чувашской националистической культуры. Оно боролось против нововведений в чувашском языке, которые, в связи с распространением среди населения революционных научных терминов, жизненно требовали своего восприятия и обогащали лексикон чувашского языка. Но самое главное это то, что общество воевало за представ-

ление полной свободы писателям в идеологическом отношении, за аполитичность писателей и отрицало партийное руководство в литературе. В организации общества сказалось влияние интеллигенции с ее пережитками дореволюционных течений, также и мелкобуржуазной стихии, охватившей многих после введения нэп'а.

СОЮЗ «КАНАШ»

Писатели партийцы, а также и советская общественность не могли допустить, чтобы нэп так отрицательно повлиял на оформление писательских сил и дальнейшее развитие чувашской литературы. И в июне 1923 года, в противовес «Обществу чувашской литературы», организовался «Союз чувашских писателей и журналистов» — «КАНАШ» («Совет»), объединивший всех выявившихся молодых писателей, поэтов и журналистов и поставивший задачей собирание молодых литературных сил из рабселькоровских рядов. Союз «Канаш» выработал свой устав и программу, положив в основу материалистическое понимание художественной литературы, и в дальнейшем своем развитии перешел полностью на платформу ВАПП, переименовавшись в ЧАПП.

С 1924 года этот Союз начал издавать свой орган-журнал «Сунтал» («Наковальня»), в котором помещаются, кроме художественной литературы, политические, а также научно-публицистические статьи. Журнал в последние годы хорошо иллюстрируется и становится весьма популярным среди чувашских трудящихся и учащихся. Кроме «Сунтал» издается целый ряд журналов и газет, среди которых весьма популярны сатирический журнал «Капкан» и газета «Пи-рен Йал» («Наша деревня»). Имеются, кроме того, научно-публицистические журналы «Чувашское хозяйство» и «Народное Образование», а также женский журнал — «Работница».

О ЧЕМ И КАК ПИШУТ ЧУВАШСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ

Уже с 1923 года, когда постепенно жизнь вступила в период восстановления, когда остались позади героические переживания революции и гражданской войны и создалась более или менее мирная обстановка, в чувашской литературе начинается, в основном, переход от лирики к эпосу, от стихов к прозе. Огромный материал пережитого и выстраданного за годы войны и голода не укладывается в рамках лирических произведений. НЭП с его противоречиями дает много материала для сатиры, для эпоса, для реальных рассказов и повестей. В самую лирику вливается рассказ, не разворачивается сюжет, одним словом, поэзия принимает фабульный характер.

Возрождение чувашской национальности на основе октябрьских завоеваний, через автономию, вызвало небывалое самосознание чувашских грудящихся, заговоривших в связи с широкими перспективами в дальнейшем будущем, и о своем историческом прошлом. И вот появились исторические поэмы и драмы из времен колонизации и миссионерской политики царского правительства в крае, Пугачевщины, народных волнений 1905 года и т. п.

К писателям, которые проявили себя еще до наступления нэп'а, как, например, Тхти, Юман, Полоруссов, Шубоссинни (все до войны), Ф. Павлов, С. Фомин, Эльгер, Иван Мучи, Лявук и др, присоединилось много новых имен, вышедших из рабселькоровских рядов: Арис, Васянка, Лашман, Викторов, Патман, Осипов, Шпчк, Кели, Хузанкай, Пинер, Исаев, Талвир, Трубина, Уйп Мишши и др.

ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Всех писателей по их тематике и идеологии можно разбить на две группы, с дальнейшими особыми разветвлениями. Первая группа писателей состоит из писателей и поэтов, проникнутых революционно-пролетарской идеологией и рисующих в своих произведениях борьбу бедняков и батрачества с кулаками и кушманами; социалистическое строительство, на основе союза рабочих и бедноты с середняком, а также переход трудящихся к новым формам бы-

та и социально-экономическим отношениям в колхозах. Сюда же относятся фельетонисты, сатирики и очеркисты повседневных событий.

Вторую группу составляют те из писателей и поэтов, которые не вышли из-под влияния крестьянского мелко-буржуазного индивидуализма, одержимы самовоопеванием и богемщиной, идеализацией старины и отражают есенинщину в чувашской литературе.

ПЕРВАЯ ГРУППА

Наиболее влиятельной количественно и качественно является первая группа. Здесь имеются и драматурги, и поэты, но больше всего прозаиков, давших ряд повестей, рассказов, новелл из современной жизни

Среди драматургов выдвинулся Осипов, который в ряде драм нарисовал картины борьбы чувашских трудящихся с кабалой кулаков, распространявших свое влияние и на семейно-бытовые отношения окружающих крестьян Лучшей его драмой является «Кушар», написанная в некотором подражании драме «Йалта» Ф. Павлова, одного из первых драматургов и композиторов Как «Кушар» Осипова, так и «Йалта» Павлова построены на сюжетах, взятых из времен империалистической войны, когда богачи оставались в тылу и насильничали над вдовами и солдатками, забирая их земли в аренду и принуждая их самих к сожителству. Обе драмы написаны весьма красочно, тут по ходу действия введены и деревенские хороводы, и свадебные церемонии, и печальные проводы в старую царскую армию. В них немало лиризма и непосредственно испытанных народными массами переживаний ужасов войны. И потому вполне понятно, что чувствительные чувашки на спектаклях плакали от наплыва чувств. Обе драмы заканчиваются трагической гибелью героинь.

У Осипова имеется еще несколько драм, из которых большой популярностью, не меньшей, чем «Кушар» и «Йалта», пользуется драма под названием «Ъмър сакки сарлака». В этой драме рисуется быт чуваш Чебоксарского уезда, их работа на заволжских лугах и

ужасы голода 1921—22 г.г. Другая драма того же автора «Проклятое племя» рисует теневые стороны жизни деревенской молодежи, куда попадает комсомолец из приюта, погибающий от руки кулацкого сына, который оказывается его братом по отцу, некогда обманувшему бедную мать комсомольца.

Драмы Осипова содержательны и рисуют быт чуваш послевоенного периода, но они страдают некоторым схематизмом. Кроме оригинальных пьес чуваша имеют и переводные драматические произведения, в том числе Островского, Луначарского, Мольера, Шекспира.

Из поэтов-реалистов более известными и относительно старыми шлятся: Эльгер, Шубоссинни, Полоруссов, а из молодых — Васянка, С. Фомин, Кели и Уйп Мишши.

СТАРЫЕ ПОЭТЫ

Поэты Эльгер и Шубоссинни дали две большие поэмы из времен Пугачевщины и борьбы чуваш с колониационной политикой царского правительства, имевшего в крае опору в виде воевод, бургомистров, миссионеров, также и чувашских куштанов, родовитых богачей. Поэма Шубоссинни носит название «Йергнь» (фаворит-альфонс), а Эльгера «Под гнетом бед и несчастий». Обе поэмы овеяны романтизмом, но это не помешало авторам на фоне широких полотен, изображающих старинный быт и обычаи чуваш, ярко осветить разгул царских воевод и их козни и всяческую эксплуатацию совместно с таковыми же интересами и стремлениями миссионеров-архимандритов и попов. Обе поэмы печатались в «Сунтале», только поэма Эльгера не была закончена печатанием; она выходит в 1930 году отдельным изданием, а поэма «Йергнь» уже вышла в Москве. Эти поэмы, рисующие чувашскую старину, весьма популярны и изучаются в чувашских школах, даже за пределами Чувашской Республики.

Ввиду того, что поэма Эльгера не закончена, остановимся пока на содержании поэмы Шубоссинни, имеющей некоторое сходство с поэмой первого.

«Йергнь» дает картину сложной борьбы между чувашскими

куштанами, продавшимися царским воеводам и колонизаторам и отстаивавшими свою независимость трудящимися, во главе которых стояли народные герои, жертвовавшие собою во имя интересов «черноземного народа». В поэме показано, как переплетались военно-административная политика Чебоксарского воеводы с политикой миссионера-архимандрита Чебоксарского монастыря. На этой почве происходит между ними своего рода «соревнование». Это обстоятельство учитывается местным населением, принявшим «добровольно» православие для борьбы против Урхи, чувашского родового владельца обширными участками лугов в трех долинах главнейших рек. Урха, служивший в дворцовой роте Орлова и удостоенный дворянского звания за участие во время переворота Екатерины II, и сделавшийся затем любовником императрицы, во время ее посещения Чебоксар и Казани в 1768 году, едет с жалобой на воеводу и архимандрита в Петербург, но дорогой в Москве арестовывается друзьями воеводы.

Впоследствии, при помощи своего слуги музыканта-гуслира, проникшего во дворец Екатерины, Урха получает свободу и возвращается домой. В это время его единственная дочь Чекесть (Ласточка) выходит замуж за Йергинея, сына атамана «вольницы», ставшего во главе восставших приволжских деревень, захвативших земли Урхи. Дочь погибает на свадьбе от отравы, поданной по приказанию отца в «заговорном пиве». Йергинею об этом преступлении «напомнил» Урхе, когда он с Пугачевым, после поражения под Казанью, прибыл в Цивильск и нашел его укрывающимся вместе с русскими дворянами в монастырских погребах. Йергинею повесил Урху на монастырских воротах, наказав «прибыть» на тризну дочери в октябре (этот месяц у чуваш является месяцем поминовения усопших). Перед казнью между Йергинею и Урхой происходит диалог, выявляющий каждого «в них, как представителей двух различных слоев чуваш. Йергинею обзывает Урху собакой из собачьей свадьбы и клеймит его, как виновника смерти дочери и предателя своих сородичей, трудящихся чувашских масс.

Усал тӑшман, хайар каскӑн утаман,
Нихӑсан та кӑрт йытти пек еп чупман.
Савнӑ хӑрӑм вилсе вытрӑ сарӑмсӑр,
Ес илӑрте туй пулнипе вӑхӑтсӑр.
Мӑшкӑл турӑн ман йуратнӑ килӑйша,

Ес пистертён пеллешемпе хурнташа.
 Хамър чаваш халахешём тарашрам,
 Вырассемпе сёрпе шывшан харкашрам.
 Мана йытӑ тени чӑтмалла мар хур,
 Тутупала каланине сӑмсупала турт.
 Вӗлер сакса – пӑхӑнмастӑп еп сана!
 Тесе сӑмах тӗтерчӗ мӑн кӑмӑллӑ Урха.
 Нумай вырассемпе ес харкашран, паллах:
 Савӑнпа та сакӑнта тарса килнӗ пулмалла!
 Анчах ыйтамха сантан: камшӗн ку ёс?
 Мӗншӗн улпутсем патне лешеттӗнчӗ кучченӗс?
 Хӑвӑншӑн кӗсӗе пит, кӗрт йытти!
 Улпутсемшӗн шыв йӑтмалли шуйттан кӗвенти!⁸
 И дальше с сарказмом:
 Сапах та сана еп хур тумӑп:
 Йытсем валли виллӗне ывӑтмӑп.
 Ёнтӗ сывӑ пул, тивӗсӗлине хуна ил!
 Саксан – чунна сӗклентерӗ савра сил⁹.

Кроме этих исторических поэм, Шубоссинни и Эльгер дали ряд революционных песен и поэм. Некоторые из них, как, например, «Октябрьская» Шубоссинни, в подражание «Революции» Верхарна, рисует в символической форме, в сочных красках пылающий пожаром торжественный ход революции в городе, разрушающей дворцы и церкви; законы и иконы топчет и сжигает восставший народ, который разрушая творит и созидая умирает. К символиче-

⁸ Урха:

Злой враг, грозный бродяга, атаман,
 Никогда я не был собакой.
 Дорогая дочь умерла неожиданно
 По твоему соблазну на несвоевременной свадьбе.
 Обесчестил ты мою любимую семью,
 Отвадил и знакомых и родню.
 Я для чувашского народа старался
 И с русскими из-за земли и воды дрался
 Что собакой обозвал – нестерпимо мне больно,
 А что выговорил губами, вдыхай ноздрями
 Йергиней:

Да, видно, ты много ссорился с русскими,
 Должно быть поэтому сюда прибежал.
 Но спрошу я тебя: за кого ты боролся?
 Почему ты дворянам гостинцы таскал?
 Для себя, войлочное лицо, ты собака!
 Коромысло для господ нужно сделать из тебя.

⁹ Но не обижу я тебя:

Твоего труда не выброшу собакам.
 Прощай, теперб получи по заслугам,
 Когда тебя повесят – вихрь пусть твою души примет

ским поэмам относится и «Море» того же автора. Здесь под морем, разнесшим в пух и прах каменную скалу во время грозы, подразумевается восставший народ, разгромивший дворянство и духовенство, изображенные в виде гордого утеса.

У Эльгера, наряду с другими поэмами, имеется «Стальной Корабль», посвященный В.И. Ленину, тоже в символической форме, изображающий Коминтерн под твердым руководством Ленина.

Эльгер начал писать еще до революции, когда он находился в австро-венгерском плену. Сборник его стихов под названием «Самана» («Эпоха») дает представление об его многогранном творчестве. Тут песни о страданиях чуваш и бичевание царского правительства за его тиранию и гнет сменяются бодрыми мотивами («Надежда», «Ведреной День» и др.). Эльгер в своем поэтическом творчестве уделяет много места психологическому анализу своих героев, останавливаясь преимущественно на мрачных и тяжелых внутренних переживаниях, а потому иногда кажется, что он впадает в пессимизм. Это связано с тем, что он много перенес и переиспытал в жизни, оставшись в результате империалистической войны калекой.

Поэтому нередко у «его встречаются минорные нотки не только в лирических стихах, но и в эпических вещах, как, например, «Замызганный, изуродованный чувашский трудящийся», «В плену», «В концентрационном лагере», «Песни войны».

Характерным для него является стихотворение «Я бедняк»:

Епё чухăн,
Пурлăн-çуклăн
Ўснĕ, тўснĕ хĕнхура;
Тумсăр, выççăн,
Ёмёт хыççăн
Хыт йухтарнă таршура:
Тут пурнашăн,
Пур тăкашăн
Шав ёçленĕ сын ёçне;
Мулăм çукшăн,
Йатăм чухшăн
Илтеймен çав ыр йатне...¹⁰

¹⁰ Я бедняк
Кое-как,
То есть, то нет, все же рос

В ранних своих произведениях Эльгер не избежал и шовинизма и политических ошибок, когда, по принципу национальности, он подходил к разрешению вопроса о социально-экономическом положении чуваш. Так, например, в стихотворении «Познай добро и зло» он писал:

Манмӑн, манмӑн ес, чӑваш,
Иртнӗ пусмӑр мӑшкӑла.
Анчах асту, хыт паллаш,
Палла ырпа усалла:
Пӗр Октапӗр вучӗ сех
Сӑлчӗ сана мӑшкӑлран,
Пӗр Октапӗр урӑ сӗх
Есӗ сын пек шутланан.
Вӑл пулмантӑк халчченех
Курас сук чӑн пурнӑса,
Хӑвӑн тӑван сӗрӗнтех
Пулаймастӑн ху хуҫа¹¹.

Но в последнее время Эльгер уже хорошо разбирается в таких политических вопросах, а не валит в одну кучу и бедняка, и кулака под именем чувашина и не мечтает об «особой своей земле». Его занимают современные темы социалистического строительства, и чуваша вправе ожидать от него еще более полноценных вещей, как от глубокого и серьезного поэта.

Самый старый из поэтов Н. Полоруссов (Шелепи или Усь) является бытоописателем натуралистом, положившим в основу сво-

И много невзгод перенес.
Много лил пота в труде
На пропитание,
На мелочные расходы
Все работал на чужих;
Ввиду бедности,
Безыменности,
Доброго слова не слышал...

¹¹ Не забудешь ты, чуваш,
Былого проклятого гнета,
Но помни и знакомься
И познай добро и зло:
Только огонь Октября
Избавил тебя от насмешек .
И лишь через Отктябрь
Считаешься ты человеком.
Если бы не был он, то и теперь
Не видел бы настоящей жизни
И в своей родной земле
Не был бы хозяином ты.

его реализма статику. Им написано в духе народного эпоса много небольших новелл и рассказов в стихах, среди которых более популярными являются «Шупашкар» и песня «Цивильская ярмарка». Полоруссов считается крестьянским поэтом, но у него имеются и песни о городе, с описанием его пестрой и бурлящей жизни. Полоруссов рисует все и вея в радужных тонах и, в противовес Эльгеру, который некоторыми критиками назван народным «печальником», является большим оптимистом, мечтающим о более широких перспективах чувашского языка, чем даже Сеспель Мишши.

Все эти три поэта пишут силлабико-тоническими стихами, пользуясь народной формой, а также по-своему ее разнообразя. Они по форме и языку довольно сильно отличаются от некоторых молодых поэтов, стремящихся перейти к тоническому стихосложению и ищущих новые формы для чувашской поэзии и иногда доходящих до футуризма.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

Из молодых поэтов к реалистам относятся: Васянка, Викторов, Лашман, Кели, Уйп Мишши, Тукташ (последний до сих пор еще не освободился от лозунгового содержания своих стихов), Петокки — футурист.

Более популярными являются стихи Лашман, Васянка, Фомина, Кели, Уйп Мишши, а из сатириков — Шпчк и Иван Мучи.

Из них раньше всех проявил себя Лашман, Фомин и певец комсомольских мотивов — Васянка. Все три поэта дали множество мелких революционных стихотворений, а Фомин и Лашман и драматические произведения, которые печатались в «Сунтале», в газетах, а также вышли отдельными изданиями. Поэзия их выросла в конце эпохи военного коммунизма и более оформилась в годы нэп'а.

Социальной средой, из которой они черпают свои темы, является повседневная жизнь трудящихся чуваш с их современными достижениями и недостатками. Как в калейдоскопе отражаются они в их произведениях.

Лашман, у которого преобладает юмор, любит писать сатири-

стические вещи. Одно время он давал весьма удачные комичные сценки на антирелигиозные темы, выставлял полов и дьяконов в весьма курьезных положениях (напр., их любовные похождения). Он описывает также жизнь учащейся молодежи. В его поэме «Савни йенчегь» рассказывается, как юноше подарила его подруга красивую шелковую сумку, а в сумке книжку политграмоты в красной обложке. Здесь нашла свое отображение тяга трудящейся чувашской молодежи к учебе. Фантазия Лашмана взлетает иногда до изображения будущего, когда в Чебоксарах будут дымиться десятки заводов и фабрик, а на улицах сновать автомобили, привозящие сельских рабочих из электрофицированного края.

Фомин вначале писал все больше идиллические стихи про «шелест листьев в садах», про «соловьиные трели» и «песни пастуха».

Вот образец одного из его ранних стихотворений— «Пастух», напечатанное в № 3 «Советская Страна» в 1929 г¹².

Фомин впоследствии перешел на более серьезные мотивы и дал несколько рассказов и новелл из голодных годов. В некоторых его новеллах сквозит преклонение перед культом тела, а в «Учительнице» он граничит с порнографией. Здесь сказалось некоторое подражание Малашкину, его «Луне с правой стороны». Фомин занимается нередко переводами; недавно он перевел поэму Рунеберга (финского поэта), под названием «Могила Ганюка», из борьбы финских крестьян за землю. Фомин пишет много; у него имеется и роман, еще незаконченный. Он отличается умением обрисовывать психологию героев в полном сочетании с красками внешнего мира. Фомин охотно пишет очерки, которые у него выходят весьма удачными. Популярна его двухактная картина «Ванюк и Варук», по-

¹² Свирель пастушья на горе
И радостнее, и желанней,
Запела песню о заре –
И звуки эти сердце ранят.
Они так далеко вокруг
В победном взлете разбежались.
Знай, звуки те, любезный друг,
О радости, не о печали!
Пляши пастух, запой звончей,
Хозяин новой, славной были,
Чтобы серебрянный ручей
И луг тебя благословили!
(с чувашского перевел Ал. Чачиков)

строенная на весьма примитивном сюжете любви между красноармейцем и дочерью кулака во время гражданской войны. Фомин сильнее в прозе, чем в стихах, которые он излагает в тоникосиллабической форме.

Изображение чувашского быта удачно выходит у Викторова, поэта-журналиста, работающего в Москве. Вот, например, его стихотворение «В ночном», помещенное в № 3 «Земля Советская» в 1930 году:

Хёвел анчё... тёттёмленчё.
Иешёл вярман хуралчё.
Кантәрлахи савра сил
Тақта кайса сухалчё.
Иал хушшисем шӑп пулчёс,
Хир-вӑрмансем лӑпланчёс.
Унта-кунта сӑлтӑрсем
Пӗлӗт синче курӑнчёс.
Иешёл улӑх варринче.
Йӑлт-йӑлт! Туса вут сунат,
Иӗри тавра ача-пча
Сӗр сӗмӗрсе йур йурлат.
Хутран-ситрен йал йенчен
Иыт сассисем илтнеççӗ
Сӑвар туллин кавлесе
Утсем курӑк сийеççӗ...

Пӗлӗт хӗрри хӗрелет,
Кӑштах тӑрсан шуралӑт.
Канӑçлаха сыхлама
Вара уйӑх хӑпарат.
Тӗлек йухан шывсемпе
Хир-вӑрмансем сӗталас
Йешӗл улӑх варринче
Йӑлт-йӑлт! Туса вут сунат
Иӗри тавра ача-пча.
Тутлӑ ыйхӑ сывӑрат
Йал хушшинче пит лӑпкӑ
Йытӑсем те вӗрмеççӗ.
Машш... машш... сывласа
Утсем канса ыртаççӗ...¹³

¹³ Уплыло солнце... лес зеленый,
Как будто, даже почернел,
И ураганом день сметенный

Васянка, журналист, пишет весьма жизнерадостные и образные стихи. В революционных стихах он употребляет символическую манеру письма, а в стиле его много перенято от современных русских поэтов. Будучи завален в редакции «Сунтал» работой по разбору чужих произведений, Васянка не дал больших вещей, но его стихи насыщены современностью.

Сборник его стихов «Хастарлх» («Боевая готовность») посвящен комсомолу полон революционно-призывных песен об учебе, о переходе с сельского хозяйства к шумной городской жизни.

Иногда у него пахнет божественностью, например, в стихотворении «Мы»:

Мухтансан ты сыла́х мар:
Пылча́кпала тусланна;
Ча́нах, хале́ те сүлтех мар,
Ишнэ́ ёнтэ́, хупланна́.
Анчах епе́р хамара́
Хал витте́рек куратпа́р;
Йусас тесе та́рашса
Са́мах са́пса пыратпа́р.
Пирё́н самра́к че́рере
Се́н вай-ха́ват выллана́т;
Лапра́ синчен сүлелле
Су́л пуррине ку́с курат¹⁴.

Пропал, куда-то улетел.
Поля, деревья, все уснуло,
Лишь звезды дальние горят.
Йалт! Йалт! Там встрепенулся
Горит огонь. Детишек ряд
Запел медлительную песню
И песня севера чудесна.
Край неба медленно бледнеет,
Промчался смуглый ветер, вея
И для охраны тишины
Поднялось серебро луны
Йалт! Йалт! – гори, огонь,
Парнишек спящих ты не тронь!
Собаки смолкли за селом
И отдыхает за бугром
Табун коней... Машш... машш... Они
Извели работы дни.
¹⁴ И похвалиться не грех,
С грязью подружились мы,
Верно и теперь не высоко
До тошноты месили грязь,
Но теперь мы себя
Уже насквозь видим;
Чтобы исправить трудимся

В последнее время Васянка дает весьма боевые стихи, которые положены на музыку лучшими чувашскими композиторами и распеваются молодежью

Например: «Не ходил, не видал Шупашкар».

Килессе килтём еп ёспеле –
Колхос синчен каласма,
Канаш ыйтма, ас пухма:
Акранумсен портфёлёнче
Нумай пусу шырама¹⁵.

Васянка молод, его ожидают широкие перспективы, если он поработает над собой и возьмется за более сложные темы, переходя на эпос.

Ивану Мучи и Шпчк принадлежит целый ряд язвительных сатирических стихотворений, а также стихов в прозе, в которых они бичуют мелкобуржуазную среду, бюрократизм, волокиту и косность деревенского уклада. Тематика их обнимает и городскую, деревенскую жизнь: у них и кулак, и городской нэпман, и беспочвенный интеллигент, и совбарышня с алиментами. При этом они оба пользуются весьма удачно игрой разноцветных слов, которые в переводе теряют свою оригинальность и красочность. Иван Мучи является фактически редактором чувашского сатирикона «Капкан».

Самый молодой из молодых Уйп Мишши. Лирика его рисует переход чувашских трудящихся от сельскохозяйственного производства к рабочей жизни — технически оборудованному производству. Он сам наборщик и с большой любовью передает игру с буквами и силу печатного слова. Недавно он дал эпическую картину под названием «Дни» молодой лирикой. Стихи его гранены и блещут новыми формами. В «Дни» имеются очень красивые места, которые в переводе сильно теряют свою звучность и даже образность.

В «Дни», остановившись на победе Красной армии над Вран-

И слова печатаем.

В наших молодых сердцах

Новые силы играют,

Из грязи видит глаз

Дорогу вверх...

¹⁵ Придти — я пришел по делам

Поговорить про колхоз:

Попросить совет, собрать ум,

В портфелях агорономов

гелем и Деникиным, он говорит:

Партти вёт пирён пуç
Партти вёт пирён куç!
Вăхăт ытла ан ур.
Пирён те вай-хал пур.
Ей, ёссыннийё, тух,
Тăвăл кёрленё чух!
Çёр сінческе тумалла çăтмах!
Мăлатукпа сыханчёс сурла.
Еп пайан ак, уншăн сеç йурлап!
Вёс ес, йурă, вирлё те хастар!
Çёре урлă пирлё те кастар!
Хуйхă-суйхă сăввăма кёмест¹⁶.

Во всех песнях у Уйп Мишши — бодрость, призыв к труду, к стройке новой жизни Полные пафоса переживаемых событий социалистического строительства, стихи Уйл Мишши приобрели весьма большую популярность и обещают развернуться в эпические фабульные произведения. Он сейчас немного увлекается внешней формой стиха, хотя из этого не делает фетиша, как некоторые поэты, которые доходят до автономии поэтического слова.

Андрей Петокки, дающий обыкновенно весьма оригинальные по форме стихи, в своем футуристическом стихотворении «Хула» («Город») в погоне за рифмами (на чувашском языке) увлекся игрой нескольких однозвучных слов и создал нечто новое, но совершенно чуждое чувашской речи:

Йалта –
авван хулла
кунта –
хытарт хула,
кунта –
йал мар – хула.

Многополосье поискать...

¹⁶ Партия ведь наша голова

Партия ведь наши глаза

Эпоха, слишком не бесись,

И у нас имеется сила.

Гей, рабочий выходи

Когда бушует буря...

На земле нужно строить рай

Сплелся с молотом серп

Сегодня я только для них и пою

Лети песнь, острая, боевая,

Вдоль и поперек землю рассеки...

Хутран хута
 хутлан
 Пулан ху та –
 «Вутлан»!
 Хулан
 сән-пит ула.
 ...Сулатан пит
 алла...
 Йухун шыва йухма
 Йелпе чаран,
 Ухмак!?
 Таптанакан асфалт
 Йурлат, итле:
 пас...алт...
 урам –
 йухун шупак,
 ик йениппе
 купа –
 чул сурт купи¹⁷.

Петокки может писать и без увлечения футуристическими формами; он первый воспел трактор. Он оригинален воспеванием

Печаль и тоску моя песня не принимает...

¹⁷ В деревне
 Гнешь прутья,
 Здесь крепи
 Плечи
 Здесь, –
 Не деревня – город
 Бумагу
 Сгибаешь
 В этажи
 Будешь и сам
 Чтец.
 У города
 Лицо пегое.
 Весьма качаешь
 Рукой.
 Как зпретишь
 Руке течь,
 Дурак!
 Затоптанный асфальт
 Поет, внемли:
 Бас... Альт...
 Улица,
 Как текущая река
 По обеим сторонам
 Кучи
 Каменных домов
 Кручи....

производства в труде, даже его лирические стихи о любви связаны с производством, хотя в лирике его преобладают деревенские мотивы.

Так мы пробежали по рядам наших поэтов реалистов.

Они дали еще немного, но ряды их растут и пока за счет количества — растет качество. Некоторые из них работают над своим образованием и занимаются теоретическими вопросами творчества, обещая дать сочные плоды.

Большим недостатком является отсутствие у наших поэтов, в эпосе — сложной фабульности и психологических моментов, а в лирике — увлечение своим «я» и декларативными темами. Точно также и показ нового быта, индустриализации и вообще социалистического строительства почти всегда дается в отвлеченном виде, без «жизненных кусков».

Произведения уснащены иногда до вычурности образными выражениями, так что при отсутствии сюжетности на бледном фоне рябит в глазах.

Нет у них, или мало, литературных типов современных строителей жизни. В этом отношении они отстали от прозаиков.

ПИСАТЕЛИ ПРОЗАИКИ

Из реалистов писателей-прозаиков популярными являются: Юман, Патман, Арис, Исаев, Ялавин, Трубина и Фомин, о котором мы уже говорили выше.

В выборе тем каждый из них пользуется разными социальными источниками современной эпохи. В отношении форм разницы между ними мало, если не считать того, что Юман и Ялавин свои самые большие эпические произведения облекли в драматическую форму, хотя и не достигли сценичности.

В «Угльча Касси» Юман дал три типа интеллигенции и несколько типов крестьян. В чувашской литературе до Юмана никто не давал более или менее ярко выявленных типов интеллигенции в то время, как типы кулаков и бедняков имелись. Юман, как писатель с большой эрудицией, внес ценный вклад в чувашскую литературу: в драме «Угльча Касси» он показал классовое расслоение

деревни в момент перехода чувашской деревни от власти Керенского к Советской.

Здесь выступают три законченных типа чувашской интеллигенции: 1) эс-эр—Микул—вождь кулацкой части села; 2) представитель от либеральствующей интеллигенции—учитель, потерявший почву под ногами во время решительных боев и 3) его дочь Катя, переборовшая свои внутренние чувства к Микулу и перешедшая в конце событий на сторону бедноты, воюющей против кулацкой части о од руководством бедняка-чувашина— Тбачи, возвратившегося с работы на шахте.

В последнем действии шайка кулаков рассыпается и многие из нее уезжают из села, в том числе купец Лариван — денежный туз шайки, поп, волостной писарь и другие мелкие интеллигенты, распустившие нюни. Самоубийство Микула, а также бегство кулацкой шайки с попами и волостными писарями деревни куда-то (как будто в Казань), сильно напоминает последнее действие «Любовь Яровая» Тренева.

Микул, как тип эс-эра, автором сильно идеализирован и представлен стойким и непоколебимым защитником своих идей, неподверженным слабостям не только безвольной массы, но и своих близких сторонников. Его не могло сломить и увещание его любимой невесты Кати, перешедшей на сторону Советов. Юман вложил в его уста перед смертью такие слова (XII явление IV действия): «...И Катя ушла... Душа, Катя! Моя крылатая пташечка!.. Нет, нет, я не один. Я возвращусь... Много сверстников на Волге, на Урале и Сибири сложили свои головы. Не подавшись врагу, в борьбе сложили головы... Многие в Манчжурии, Китае, Японии и Европе точат ножи для врага... Мы победим... Я возвращусь... С малолетства взлелеянная мечта моя Катя, заплутавшаяся пташечка... Ты снова склонишь на мою грудь твою ненаглядную голову...».

Такая идеализация врага Советской власти в то время, как типы бедноты вышли более бледными, справедливо вызывает нареkanie молодых писателей, тем более, что драма эта получила на конкурсе литературных произведений к 10-летию Октября 2-ю премию.

На основе этой драмы чувашским кино-артистом М. Кошкиным выпущен кино-фильм под названием «Ял» («Деревня»).

В другой повести «Продовольственный Комиссар» Юман дал тип партийного работника в лице производственного комиссара Хунар, который занят идеей разработки заволжских залежей торфа. Он мечтает о хозяйственном возрождении края, много трудится, беспрерывно разъезжает по разработкам и заводам. Однажды, спасая инженера-чувашина, попадает в болото, где чуть не тонет и сильно простужается. Несмотря на слабость здоровья, Хунар продолжает работать, особенно подрывая себя на бесчисленных заседаниях, и, получив отпуск, едет в Крым, где в санатории умирает от туберкулеза. В этой повести, наряду с Хунаром, начерчены силуэты других персонажей, большею частью отрицательных, которые дают фон не совсем радужный и не обещающий больших перспектив.

Как будто здесь чувствуется какое-то неверие в творческие силы чувашских работников, по мнению автора, не всегда правильно схватывающих основные узловые моменты культурного строительства края.

Юман, старый журналист, представитель чувашских эс-эров, дал типы интеллигентов. В его произведениях преобладает изображение жизни людей умственного труда, хотя в драме «Угльча Касси» он дал и типы рабочего шахтера, и общественников из крестьян, борющихся за Советскую власть, но они вышли бледнее. Язык Юмана богат и местами весьма образен. Несколько дает себя знать слабость фантазии. В идеологическом отношении на его литературном творчестве сказывается его долгое пребывание в эс-эровской партии, с которой он официально порвал связь вначале 1923 г. Но он хочет и может исправиться. От него, как от большого таланта, чувашки вправе требовать более лучших и широких полотен, рисующих положительные типы строителей социализма.

Арис (Золотов) дал начало большого романа «Йусьсе хпарать» («Бродит - вздыхается»), дав картину из жизни Симбирской чувашской школы во времена Колчака. В его романе выступают молодые энтузиасты, осознавшие грозный час решительного момента в жизни Советов, когда ставилась на карту судьба Красной армии. Его молодые герои Оскар и Зосим после митинга в школе чувашских коммунистов из Штаба Восточного фронта решают поступить в армию и идти добровольцами на фронт. Здесь описаны факты, имевшие место в действительности весной 1919 года в Симбирске

(ныне Ульяновске). Роман не закончен, начало его было встречено с большим сочувствием, но мы еще не имеем продолжения.

Арис-Золотов - руководитель чувашской ассоциации чуваш. пролет. писателей, долгое время был редактором органа ОК ВКП(б) «Канаш»; он является одним из лучших критиков и теоретиков в чувашской литературе. Область его творчества — публицистика, где он берет темы из реальной жизни и отражает в большинстве современных актуальные вопросы социалистического строительства. Плохо только то, что газетная работа, а теперь заведывание рабфаком, не дают ему возможности всецело отдаться литературной работе.

Патман писатель-реалист, один из руководителей ЧАПП. Он давно работает в области печати, являясь выпускающим редактором «Канаш» и членом редколлегии «Сунтал». Патман хорошо знает дореволюционную чувашскую деревню с ее социальными противоречиями, не раз выливавшимися в формы дикой расправы кулаков с бедняками. Он хорошо знает и психологию толпы, подпадавшей нередко под влияние кулаков и подкулачников и идущей у них на поводу.

В рассказе «Мьншьн» («За что?») Патман дал яркие типы, подкулачников и разоренного этими кровопийцами бедняка. Сюжет рассказа построен на том, как один кулак Мирун, одержимый мыслью наживы, хочет поставить на базарной площади трактир, но не имеет там удобного места, поэтому он решает отнять место у бедняка Киприяна, не соглашавшегося добровольно переселиться на край села. Для этого он прибегает ко всяческим способам и ни перед чем не останавливается. Наконец, когда у него украли с поля снопы, он приводит к Киприяну подкупленных им людей — деревенских крикунов, которые помогают ему «сделать» из Киприяна вора и подвергают его жестокому избиению. Толпа прохвостов-подкулачников пропивает последних овец и домашнюю утварь Киприяна, тем временем богач Мирун возвращается домой, благодарит бога за свои успехи, а потом устраивает пирушку. Ночью, по его наущенью, дом Киприяна поджигается одним пьяницей за 3 рубля, и бедняк остается без кровли.

Здесь показаны в классовом разрезе дикость и темнота дореволюционной деревни во всей ее наготе, когда еще безнаказанно

свиристельствовал кулак, а разоренная беднота не могла ему сопротивляться. Рассказ этот является частью романа, еще незаконченного.

Патман дает типы и из революционной эпохи; так в маленьком рассказе «Йелюк-шеф» им нарисован тип пробуждающейся от векового застоя чувашской женщины. Ялавин дает типы советских служащих, легкомысленных женщин, а также и типы деревенских парней и девиц из современной жизни. Самым большим его произведением является драма «Пурнь йуншь» («Ошибка жизни»). Основная задача драмы — представить картину семейного раздора на почве столкновений мужа и жены, происходящих из различных классов и держащихся совершенно противоположных взглядов на жизнь, к тому же он — чувашин, а она — темная флиртующая женщина из другой национальности, презирающая вообще все чувашское.

Кроме ревнивого мужа — советского служащего, всегда занятого по службе, и жены-вертушки, занятой вечно своей внешностью и флиртом, имеются и другие типы, среди которых встречаются и положительные, как, например, тип ответработника. Но драма полна пессимизма и на этом сгущенном фоне положительные типы ступшеваются и выпячиваются типы слабовольного ревнивца, желающего развестись с женой и его беспардонно-легкомысленной жены, которая убивает мужа из револьвера, когда он рассказывает своей матери, что решил покинуть жену и оставить ее с любовником.

Драма была встречена весьма сдержанно и ни разу не ставилась на Чебоксарской сцене. Отсутствие бодрых ноток делает ее маложизненной и мало соответствующей действительности. Ялавин проявил себя также как критик и публицист. Он молод, работает над литературными вопросами и от него можно ожидать более, как от критика, нежели беллетриста.

Среди чувашских писателей имеются и писательницы, из которых самой известной и даровитой является Трубина. У нее имеются и стихи, но больше всего рассказов из деревенского быта. В рассказе «Ерех сюль» («Путь самогона») она весьма красочно изобразила участь женщины, лишенной возможности правильно воспитывать детей; их не удастся посылать в школу, одевать и обувать из-за непробудного пьянства отца, все пропивающего.

Есть у Трубиной и детские рассказы, напоминающие крестьянские рассказы Тургенева из серии «Бежин луг», как, например, «Вубр», где рисуется деревня во время затмения луны.

Из молодых писателей Исаев, умерший в апреле 1930 г., зарисовал ряд комсомольских типов на учащейся молодежи. Рассказ его «Рапфак хьрь («Рабфаковка») прямо вырван из жизни, хотя комсомолец, секретарь ячейки, выведен не совсем положительным типом Герой этого рассказа израсходовал 30 руб. ячейковых денег на содержание матери-вдовы, за что и был исключен из комсомола. Его отвергла и любимая девушка-рабфаковка, выступившая против него за то, что он частные интересы (поставил выше общественных).

В рассказе «Лисук чптась» («Лизук-рогожница») повествуется, как кулак завладел усадебной землей переселенца, ушедшего в Сибирь в голодные годы. Но через несколько лет вернулась домой из Московского приюта дочь переселенца Лизук, которую кулак взял к себе и постепенно превратил в работницу, заставляя зимой ткать рогожи и прясть кудель. Лизук узнала через возвратившихся из Сибири соседей, что ее родители там померли, а потому у нее почти погасла надежда на возвращение родительского дома. Но ее поддерживал рогожник-кустарь Павел, а потом она на посиделке (улах) познакомилась с учительницей и комсомольцами, которые приняли в ней участие и записали ее во вновь организованный хоровой кружок. Затем Лизук начинает работать в промысловой артели. Зимой Павел поехал на базар, откуда вернулся с каким-то красноармейцем, который оказался Ягуром, братом Лизук. На перевыборах сельсовета Ягура выбрали председателем, а затем Лизук вместе с ним перешла в свой дом. Ягур принялся энергично за работу и первый заговорил о поднятии животноводства, завел на общественные средства племенного быка. Лизук же получает командировку на Рабфак.

Так, герои Исаева преимущественно молодежь, рвущаяся к учебе. Язык его прост, без вычурностей; он удачно строит сюжеты.

Среди молодых прозаиков в последнее время выдвигается Талвир (Башкиров), дающий картины из комсомольской жизни. Он, кроме того, весьма активно работает в чувашской секции МАПП, как организатор по собиранию молодых писательских сил,

а также литературных кружков среди московских рабочих из чуваш.

Вот те из писателей-реалистов, которые составляют основное ядро писателей современной Чувашии. Вокруг этого ядра сколачивается целый ряд новых авторов, начинающих, не всегда еще оформившихся, как писатель (молодые силы из рабкоров и селькоров, пролетарского студенчества и партийного и комсомольского актива).

Анализируя и сопоставляя главнейшие типы, созданные этими писателями, мы должны констатировать, что они (эти типы) дополняют друг друга и являются представителями той или иной враждующей между собой силы: с одной стороны — трудящихся, в лице бедняков и середняков и трудовых интеллигентов, и с другой — кулаков, нэпманов, попов и др. антисоветских элементов. Критикам не трудно будет установить, как преобразуется с годами тип борца за свободу, хотя бы Йергиня, в тип продовольственного комиссара Хунар, или кулака Урха — в кулака и купца Ларивана. Выступают на сцену типы молодежи, грызущей гранит науки и строящей социализм вместе со старшими товарищами в бывшем бедном и забитом колониционной политикой краю чувашей-лапотников. Если на одном этапе молодежь в лице Оскара и Зосима из школы едет добровольно на фронт биться с Колчаком, то на другом этапе она из деревни, с производства, как, например, Лизук — отправляется на учебу в город.

Кроме указанных писателей, есть и еще много известных имен, давших очерки, рассказы, поэмы и новеллы из семейного быта, из дней взятия Казани чехо-словаками (как, например, Василий Краснов), из жизни деревенских пьяниц, попов и кулаков. Среди новых писателей имеются и женщины, как Евграфова, Ефремова и другие, которые рисуют положение женщины, освобождающейся от власти мужа и калыма, имевшего место и у чуваш, а также и от других бытовых болезней и традиционных обычаев.

Мы можем смело сказать, что литература чуваш с каждым годом все больше и больше проникается пролетарской идеологией и становится на ее рельсы.

Заканчивая характеристику группы писателей-реалистов, хочется привести слова одного из лучших марксистских критиков В.

Воровского: «Художественное творчество, носящее определенные классовые черты, складывается лишь тогда, когда сам класс уже значительно оформился и осознал свою самостоятельность. На заре движения, когда только начинают формироваться первые кадры будущего боевого класса и умы охватывает еще неясная, расплывчатая, хаотическая идея борьбы, эстетическая идеология проникнута лишь неоформленными радостными предчувствиями и чаяниями, преисполнена сознания избытка накаплиющихся сил и жажды дать исход этим силам». (Коган «Очерки по истории новейшей русской литературы», стр. 254).

Мне хочется верить, что у нас уже достаточно лиц «преисполненных сознанием избытка накаплиющихся сил», чтобы мы беспощадно вскрыли и те болезни и пессимизм у второй группы чувашских писателей, до сих пор еще не освободившихся от мелкобуржуазной индивидуалистической идеологии и перепевающих сонеты Есенина, чтобы помочь им обоими ногами встать на платформу пролетарских писателей.

ПИСАТЕЛИ ВТОРОЙ ГРУППЫ

Писателей и поэтов второй группы у нас немного. Если когда-то количество их имело тенденции к росту, то в последние годы, когда была поднята борьба против них нашей оформляющейся молодёй критикой, их уже остается немного, да и они постепенно перевоспитываются и дают более или менее выдержанные произведения. Все индивидуалисты всегда бывают большими лириками, культивирующими любовь личности к своей собственной мечте, к своему «я». Наши индивидуалисты не могут быть исключениями. В их песнях на первом месте «я» или близкий «друг», который непременно обижен светом, как и они, мало видит радостей и бежит от «грозной» суетливой стройки жизни. К ним же относятся и те, которые идеализируют прошлое и не видят социалистического строительства и всеобщего подъема трудящихся масс, и те, которые превращают поэзию в самоцель и находят упоение в игре разноцветных слов.

Самые яркие из этих писателей — Хузангай, Рзай, Митта Вас-

ли, Юрьев и, отчасти, старый писатель-интеллигент Комиссаров. Последние двое идеализируют прошлую историю чуваш и не видят классовой разницы между хунами и простыми смертными; нередко они смотрят на жизнь с точки зрения культуртрегеров.

Самыми характерными ив этой группы являются даровитые молодые поэты Хузангай и Рзай, которые уже приобрели известность среди чуваш не только своей Республики, но и далеко за ее пределами. Хузангай, один из молодых и талантливых поэтов Чувашии, долгое время находился под влиянием Есенина, писал пессимистические стихи и теперь с трудом отрывается от индивидуализма и самовоспеваний. Им созданы и революционные вещи, как поэма «Двадцать шесть», посвященная бакинским комиссарам и поэма «Хури», посвященная чувашскому революционеру Николаеву, сосланному царским правительством в Сибирь за руководство волнениями и террористическими актами среди чуваш в 1905—1907 гг.

Но все же основное творчество Хузангая индивидуалистично с пессимистическими нотками, попахивающими иногда национальным шовинизмом.

Он пишет в одном из своих лирических стихотворений:

Ах, сёрщывам! Хавассар мён есё,
Ёмёрех куссупле саванан,
Ыранхи телейне ёненеси,
Йе нихсан та пулаймё вай сан?¹⁸

И дальше он мечтает о «спокойном празднике», он не хочет думать о врагах советской власти, с которыми необходимо беспощадно бороться и добиваться, чтобы и чувашский трудящийся встал в одни ряды с созидателями социализма. Вместо этого:

Анчах саншан, чаваш келленмешкён
Пайанах ман хатёр чёре¹⁹.

Здесь скрытый национализм, не видящий никаких классовых делений среди чуваш. Вот еще образец:

Уйава йут такмаксем кёрессё,
Ват анне пайрахна сурпана.

¹⁸ Эх, родная земля! Беспросветна, оказывается, ты, -
Вечно слезой обливаешься.

Надеяться-ли на завтрашнее твое счастье,
Или никогда оно тебя не постигнет!

¹⁹ Но за тебя, чуваш, мое сердце

Мён тавăпăр халĕ, мён тавăпăр?
Сетнерпе Нарспин ёмри иртет.
Хевеле те сĕмĕ ёнте вăпăр,
Сухапуç те ватăлчĕ хирте²⁰.

А в стихотворном письме к одной интеллигентке он ропщет на судьбу поэта:

Есир калалăр:
«Самана хал урăх,
Поеçире вёсме ситет ёнтĕ,
Поетсене кучух
Асап та хурлăх»...
Çĕршыв тăрăх сўрет
Мăйкăç, накан...²¹

В песне «В деревне» он ничего нового не находит. Он словами крестьянина:

Ёрчетĕр вылăх,
Акăнтăр ана,
Пёчĕк пулин те
Пултăр «хамрăн» хушă...²²

А дальше он видит, что для деревни он стал чужим человеком и рассказывает, что и вся слава ее (деревни) — ее лирик поэт, которого сейчас «прижимают весьма сильно». Он шагнул к своему дому и в его воображениях встали: киреметь (божок) и учук (жертвоприношения).

Все это происходит от того, что Хузангай, оторвавшись от сельскохозяйственного производства, не мог пристать и к городскому промышленному производству, а вместо этого попал в среду беспочвенных интеллигентов. В стихотворении «В пути» он пишет:

Сегодня же готово испепелиться...

²⁰ В уяв входят чужие слова,
Бабушка бросила сурбан
Но что сделаем теперь, что сделаем
Проходит век Сетнера и Нарспи,
И солнце уже не поест Вубр,
И соха состарилась в поле...

²¹ Вы говорили:
«Времена теперь другие
Витать в поэзии уже достаточно,
Поэтам нынче
Горе да страданье
По земле ходит намордник, наган»

²² Пусть множится скот,
Пусть сеется загон,
Хоть маленький

Хура масут
Хурланмаст пёрнех те,
Пёр еп кăна мён
Урăхла хăна²³.

В стихотворении «Ковшик до дна», посвященном чувашскому поэту Васянка и журналисту Титову, Хузангай плывет в ладье богемщины:

Чăваш сăра тума аста,
Чăваш сăри хăмлалă, теççĕ.
Кирек хăсан, кирек аста
Тăнлă çынсем ана ёсесĕ.
Тултарха, тусăмçăм, тултар,
Тултар, Шаланкăм – йанкăс лирĕк!
Тёнче илемсĕрех те мар –
Сăвву кăна шăрантăр ирĕк.
Саватпăр сарă хĕрсене,
Кăвак куçа тупа тăватпăр.
Анчах поези хĕрсенех
Вĕсем те кирлĕ мар пёр тапхăр.
Сăвă, сăвă! Сăра, сăра!
Вĕсем, тен, иккĕш пёр тăван тăр.
Тёппи курка! Тав пурсăра...
Ан тив – кайран курки те вантăр...²⁴

Хузангай находится под влиянием Есенина, он и сам этого не отрицает:

Кирек мён кала, тăванăм, кирек мён кала:
Ухмаха йеретĕп пул еп Йесĕсенинпала²⁵.

Но пусть будет свой уголов...

²³ Черный мазут

Не печалится нисколько,

Только я один

Иным гостем оказываюсь...

²⁴ Чуваш пиво варить мастак,

Говорят его пиво хмельное,

Где угодно, когда угодно

Разумные люди его пьют.

Наливай, брат, наливай,

Наливай, Шаланга – звонкий лирик

Мир не так уж без прикрас,

Только бы песни ковались свободно!

Песни, песни! Пиво, пиво!

Они, возможно, братья по крови

Ковшик до дна! Благодарю всех,

Не тронь, - после ковшик хоть разбейся.

²⁵ Что угодно говори, брат, что угодно:

Не сойду ли я с ума от Есенина.

Он, подобно Есенину, о себе весьма высокого мнения, иногда у него это прямо вырывается, и он пишет: «у чуваш нет другого, как «я», а в стихотворении «Разговор с Пушкиным» он долго с ним беседует о чувашских поэтах, «поедающих бюджет», и прощается так:

Пёрех хайуллаха каҫарӑр:
Сыв пулӑр
Хам сире ҫывхариччен!²⁶

Такое поэтическое чванство присуще не только одному Хузангаю, им болеют и др. его товарищи, напр., Митта Васли в стихотворении «Родному языку» пишет:

Ӹссе пыран ҫамрӑк вӗҫлейӗ
Чӗлхен тивлетелӗ илемне –
Калатап еп – Митта Васлейӗ
Ҫырта чӗлхенӗн тӱлемне!²⁷

Но у Хузангая имеются и реалистические стихотворения, где он видит современную жизнь и бодро смотрит на окружающее, так в стихотворении «На первом пароходе»:

Акӑ тата ката ҫумӗн
Пулӑҫ кимми хумханат;
Кӑшт маларах ретӗнретӗн
Атма тӑни курӑнат.
Ав вӑрмантан – уҫланкӑран
Хӗрлӗ чупса тухаҫҫӗ
Прахут курнӑ хаваспалан
Хӗрлӗ тутӑр сулаҫҫӗ.
Сиксе турхӗ чӑнкӑ ҫыран
Хӗвел пичӗ – йур кайнӑ;
Чи тӑрринче сухӑҫ куран,
Ҫӗр типиччен вӑл тухнӑ.
Утат нӑрлӗ прусна тӑрӑх
Ырхан утне хистисе;
Прахут ҫине ӑнсртранах
Пӑхса илет тинкерсе...
Йӗри-тавра чӗрчун сикет
Сиссе пул ҫав ҫур халне.
Хумӗсемпе Атӑл хай те

²⁶ Простите мою дерзость,
Ну, до свиданья,
Пока сам не приближаюсь к вам.

²⁷ Подрастающая молодежь заплетает
Прекрасные достоинства речи –
Говорю я – «Мита Васли

Валат, кёрлет тёнчене.
Йухма май йаранатпър
Ѕутсанталăк варрипе;
Тёрлѐ илме, тѐс курат пър
Икѐ сыран хѐррипе²⁸.

Поэма Хузангая «Двадцать шесть», посвященная бакинским комиссарам, от начала до конца блещет весьма яркими революционными образами.

Так Шаумян говорит сыну на прощанье:

Ман сѐс мар,
Тѐнчери пур ѐслахăх
Пайан кун сăлăнăс тилмѐрет.
Малашне тек асаймѐ чуралăх,
Йулушки хут ларап тѐрмере²⁹.

Хузангай молод, учится в Восточном Педагогическом Институте в Казани и нужно надеяться, что он перевоспитается и оставит идеологию гнилой дореволюционной интеллигенции, примкнувши к красным студентам и вплотную примется за социалистическое строительство в литературе, поняв ее задачи в реконструктивный период.

Митта Васли, последователь Хутзангая, моложе его, он писал национал-шовинистические стихи, в которых революционный пыл смешивал и с «луной ненужной» Есенина и с Улп — сказочным героем чувашской народной поэзии. Так:

Тăван сѐршыв пайан хѐрелнѐ,
Тăван чѐлхе – кѐмѐл кѐсле!...
Пайан поет кранат чѐреллѐ,
Чѐлхи касат сăп-сут хѐсле!
Чечен чѐлхе – чăн аслă Улăп,

Закусил узлы (банты) языка»

²⁸ Лодка рыбацья навстречу нам

Крутой огибает берег.

Красным платком замахали: «салам»,

От радости, будто не веря.

Все живое трепещет, шумит, -

Чувствуя новые силы.

Лошаденка, село, пароход, что бежит,

Все желанно, приветно и мило!

(перевод Чачикова)

²⁹ Не только я один,

Весь мировой пролетариат

Сегодняшний день бушует за свободу.

Гнет рабства в дальнейшем не будет развратничать,

Я сяду в тюрьму в последний раз.

Поет чунне пӑхӑнтарӑт;
Чечен чӑлхе – йем-йешел улаӑх
Епӑ унта хал хӑнара.
Йурла, поет, ташла ес, суйӑх,
Йӑпат хӑватлӑ Улапы!
Сӑтӑрӑнет аманнӑ уйӑх, -
Ҫапса ӳкер ӑна чулпа³⁰.

Митта в настоящее время немного отрезвляется, им написан очерк «За возом воз», где он восхищается красными обозами, везущими для пролетариата хлеб на элеватор. Когда сам начал непосредственно принимать участие в хлебозаготовках, он уже не тот, что был года два тому назад.

Третий поэт Рзай дал несколько поэм и повесть «Пушар» («Пожар»), рисующую борьбу чувашской бедноты с чувашскими офицерами во время взятия Казани чехословаками. Офицер Паня убежал из своей деревни, где происходят революционные волнения, в соседнее село к попу, у которого имеется дочь Таня — возлюбленная Пани. Деревенские парни села Вениамин и Ендри преследуют Паню и других офицеров, собравшихся у попа с целью выдачи их советской власти, но Вениамин влюбляется в Таню и начинает колебаться в борьбе против попа и белых офицеров. После того как попа и офицеров товарищи Вениамина увозят на станцию ж.-дор. для передачи красным, Вениамин остается с Таней.

В это время является в дом попа мужик, чтобы пригласить попа к больной жене, и Вениамин посылает его на станцию, спасать папа и попадью. И все это из-за любви к Тане; в поисках своей героини он впоследствии и погибает в огне поповского дома, подожженного самим попом, перед тем, как покинуть вместе со всей семьей дом и село и убежать к белым.

Рзай вывел такого типа борца за революцию, который выеден-

³⁰ Родная земля и вода сегодня покраснели
Родной язык – серебрянные гусли!..
Сегодня поэт имеет сердце из граната,
Язык сечет, как светлый меч!
Нежный язык – поистине – великий Улп,
Покоряет душу поэта
Нежный язык – зеленеющий луг,
Поэт сейчас на нем в гостях.
Гей, пой, поэт, пляши и шуми,
Люби и милуй могущественного Улпа
Ползет свихнувшаяся луна

ного яйца не стоит. Он еще не понял сущности современной пролетарской поэзии и ее задач Рзай тоже учится в Казани; как молодой писатель, при надлежащем воспитании, он может исправиться и перейти к бодрым мотивам, которых в его поэзии пока весьма мало.

Такова группа писателей и поэтов, отображающих в чувашской литературе индивидуализм, упадничество и богемщину, а также национал-шовинизм. В их песнях слышится крик личности, отторгнутой от жизни и внутри себя ищущей свободы. Без сомнения, все это является отражением правоуклонистских течений, имевших место и в чувашской действительности, и той романтической поэзии, которая вначале революции была отчасти создана Сеопел Мишши и Талмрза. Ограниченность и бессилие в творчестве революционных мотивов, являющиеся следствием оторванности от производства материальных ценностей, — будут наверное изжиты, когда эти авторы спустятся с парнасских высот и встанут в ряды строителей социалистического государства.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ

В заключение должен сказать, что чувашская литература, в последнее время, прикоснувшись к животворящей почве нового быта и переняв у русской новейшей литературы пролетарские формы и способы изображения, дала уже первые весенние цветы. Мы уверены, что в дальнейшем поэзия пережитого, тысяча живых штрихов минувшего и богатства нового быта, на основе коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны — приведут к невиданному расцвету нашей литературы и создадут революционно-коллективную эпопею, насыщенную пережитым и виденным за эти годы и порывом к великому будущему.

Наши краткие песни и рассказы в стихах должны послужить переходными ступенями к повести, роману, драме. Дальнейшая литература должна показать перерождение, под влиянием новой экономики и пролетарской идеологии, косного и забитого трудящегося чувашина в создателя новой светлой жизни. Нужно раскрыть историю движения во всей широте и глубине, при жесточайшей классовой борьбе, показав с какой неизбежностью шла жизнь во всей ее сложности к тому пути, на который поставил Октябрь трудящихся и мощно двинул их вперед. Наша современная литература должна особое внимание уделить происходящей классовой борьбе в реконструктивный период, когда чувашская деревня с небывалым темпом перестраивается на новых социалистических основах, когда старый патриархальный быт под влиянием пролетариата и социалистического города отходит в область преданий и заменяется новым.

Но когда мы вплотную подходим к решению таких больших задач и вопросов культурной революции, нам становится ясно, что их можно разрешить только при наличии очень большого научного багажа. Дальнейший рост чувашской литературы невозможен без разрешения основных вопросов марксистского литературоведения, без теоретической работы в области стиля, в частности, так называемой, «психологии творчества». Для этого надо иметь большую эрудицию. Ее у нас еще не имеется, как нет и сколько-нибудь систематизированного наследства. У нас пока нет попыток познания эстетики масс, особенно чувашского пролетариата, хотя и являю-

щегося только тонкой прослойкой, но все же представляющего промышленный пролетариат. Нам нужно изучать свой крестьянский фольклор, но в то же время не упускать из вида и городской жанр, который постепенно вырабатывается. Писателю необходимо сделаться центром и мастером общения города и деревни.

Правда, порывы к изучению и осознанию нового быта с воспроизведением его в простых, понятных и связанных в одно целое образах у нас имеются (Исаева «Рабфаковка»), но иногда эти порывы переходят в натуралистическое копирование («Варвари» Хумма Семен), а, между тем, нам нельзя забывать задачи создания новых форм с тем, чтобы выковать стиль эпохи.

В реконструктивный период особенно нужно помнить активную роль искусства и нужно всеми силами бороться против мнений, что художественная литература живет и развивается самостоятельно, независимо от социально-экономических процессов. Плеханов, возражая Л. Толстому, что искусство выражает только чувство людей, писал: «По мнению гр. Толстого, искусство начинается тогда, когда человек, с целью передать другим людям испытанное им чувство, снова вызывает его в себе и известными внешними знаками выражает его. Я же думаю, что искусство начинается тогда, когда человек снова вызывает в себе чувства и мысли, испытанные им под влиянием окружающей его действительности, и придает им известное образное выражение. Само собой разумеется что в огромнейшем большинстве случаев он делает это с целью передать передуманное и перечувствованное им другим людям. Искусство есть общественное явление» (Плеханов т. XIV, стр. 2 «Письма без адреса»).

Утверждение Плеханова ярко подчеркивает связанность искусства со всеми другими формами общественной идеологии.

Говоря о народном творчестве, главным образом, эпосе, нельзя забывать того колоссального значения, которое оно играет в деле выработки языка, форм и образов начинающих писателей и поэтов. Нужно уметь сращивать индивидуальное творчество с коллективным, для этого не лениться изучать народные песни, частушки, эпиграммы и басни. Изучая язык, попутно подбирать и то, что сама масса дает в художественном изображении — происходящее в теперешней стройке жизни, как положительное, так и отри-

цательное.

Кроме того, необходимо изучение всего того, что оставили предыдущие чувашские писатели и теперешние поэты в первоначальные годы своих выступлений, а, главное, изучить формы и методы творчества у мировых классиков и лучших русских и иностранных современных писателей то созданию типажей и широких полотен, действительно происходящих событий. Только нужно уметь критически их воспринимать. Нельзя забывать мысли В. И. Ленина по этому поводу: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества...» (Речь на III Съезде РКСМ 2/X—1920 г. Том XXV, стр. 387. Втор. изд.)

А у нас нередко бывают заскоки и бесцельное зубоскальство по поводу некоторых старых произведений, даже такой, как «Нарспи» — это, де, мелкобуржуазная поэма, и автор ее не достоин нашего внимания: «Мы молодежь, мы создаем новое вино в новых мехах!».

Напрасно такое чванство и хвастовство новыми формами. Погоня за новыми формами не должна приводить к заковыванию себя в кандалы «кандовки» тонических форм. В этом деле необходимо поучиться у Демьяна Бедного, который создал даже в русском тоническом стихосложении новый размер, отвечающий содержанию стиха, стилю жизни и настроению читающей массы: это произвольный стих раешника, разговорная речь, вольные ямбы.

Идя через классиков, от народной поэзии, он возродил эту последнюю в баснях, частушках, военных стихах, эпиграммах и пр.

Народные слова, обороты речи, поговорки, пословицы делают его понятным и близким широким массам. К тому же и тематика у него богата и разнообразна.

Демьян для многих поэтов может быть образцом, в том, числе

и для чувашских.

Далее следует сказать о необходимости создания вокруг литературы советско-партийного, общественного мнения и реальной поддержки, конечно, не имея при этом в виду отношения к ней, как к тепличному растению. Необходима и денежная помощь, и внимание масс,. необходима критика, где следует, и даже резкая и беспощадная, чтобы выправить болезни: пессимизм, индивидуализм, а также рецидивы националистической идеологии, и в то же время оказать всемерную помощь коллективному воспитанию, межнациональной спайке и проникновению чувашской литературы в русскую пролетарскую литературу, а также переводу ее на другие языки.

В этих целях необходимо добиться более близкой, связи между чувашскими писателями и писателями других национальностей через посредство русских журналов, как «Октябрь», «Земля Советская» и др., помещая в них переводы образцов чувашской литературы.

Особое внимание необходимо обратить на развитие чувашской марксистской критики, ибо эта область в чувашской литературе является наиболее отсталой и находится в руках не марксистов, а среди малочисленного слоя марксистов-критиков многие не имеют достаточной подготовки. Перед чувашской критикой в настоящий реконструктивный период в первую очередь встают задачи решительного отпора всяким проявлениям националистических, правоуклонистских и индивидуалистических настроений и смелого разоблачения шатаний в основных классовых вопросах.

При этом нужно уметь различать здоровые проявления крестьянской литературы в марксистском понимании, направляющие волю читателя в сторону строительства социалистических основ, от индивидуалистических и пессимистических произведений, поддерживающих: развитие мелкобуржуазных элементов страны. Поддерживая первую и воспитывая творцов ее в направлении перевода на пролетарские рельсы, надо бороться против второй, как вредной и чуждой пролетарской идеологии и стремлениям трудящихся.

В то же время нашим молодым критикам следует поднять свою художественную и научную квалификацию с тем, чтобы вы-

работать художественные методы создания чувашской пролетарской литературы.

Сложные задачи, стоящие перед чувашской литературой, в настоящий период ее развития, требуют более внимательного отношения и помощи со стороны всей партийно-советской общественности.

Научное общество
Факультет международных отношений

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО
ДИСКУРСА В ЧУВАШСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

составление и вступительная
статья Кярчан Макçамё

Сканирование:
О.Н. Крылова

Редактирование текста:
М.В. Кирчанов

Оригинал-макет:
М.В. Кирчанов

Он-лайн версия:
<http://ejournals.pp.net.ua>

Московский пр-т, 88
Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений